

Часть первая

И.И. Машков

В своих краях¹

В июле 1930 г., следуя призыву партии и советской власти², я поехал, если так можно выразиться, «в народ». Мудрые вожди партии порекомендовали нам, людям искусства и культуры, посмотреть, как и в каких конкретных условиях возводится фундамент социализма в нашей стране, а если у кого хватит дерзаний и энергии, принять и самим участие конкретное, практическое — в этой работе³. Для поездки я избрал свое родное селение — станицу Михайловскую б. Донецкой области⁴, ныне районный центр Сталинградского края⁵. Я не был там 30 лет. Я уже давно порывался съездить на родину, о которой у меня сохранились самые светлые воспоминания. Известно, что все отрицательное в жизни, все уродство и все наросты постепенно сглаживаются и в памяти остается только хорошее. Что же может быть лучше детства и юности? Но поехать тогда все было недосуг: иные, более насущные вопросы — вопросы творчества, а после Октябрьской революции вопросы общественно-полезной и педагогической работы /наряду с вопросами творческими/ заполняли все мое время⁶. Но тут я решил оставить все на время и поехать⁷, тем более что я отлично понимал

1 Машинописный текст рукописи повести находится в отделе рукописей Третьяковской галереи (ОР ГТГ. Ф. 112. Ед. хр. 3). Текст приводится без изменений авторской стилистики, но в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Здесь и далее по тексту комментарии и примечания даны авторами книги.

2 В письме к начальнику отдела ИЗО Главискусства Н.Н. Масленникову Машков свидетельствовал, что летом 1930 г. правительство выделило деньги на командировки художников на стройки индустриализации и в сельские районы, где проводилась коллективизация сельского хозяйства. Командировка была оформлена от Центросоюза, с которым художником был заключен договор на создание живописных произведений. Этот договор был выполнен, а написанные И.И. Машковым работы показаны на выставке местному населению (Фонд «Машков И.И. Художник». Д. 4. Л. 135). — (О. Г., О. С.) В собрании Волгоградского музея изобразительных искусств находятся две работы, написанные в первый приезд Машкова в 1930 г., — «Колхозница с тыквами» и «Девушка на табачной плантации».

3 «Нашим художникам не приходится ехать в какую-нибудь страну... чтобы послужить своей кистью... В нашей стране чрезвычайно много неисследованного ни статистически, ни с научной точки зрения неопisanного художественного. Требуется особый род фотографирования этих колхозов — живое фотографирование художественным глазом» (Луначарский А. Путешествие в колхозы // Комсомольская правда. 3 июля 1928 г. № 152).

4 Имеется в виду Донская область. Положением об управлении Войском Донским от 26 мая 1835 г. [Полный свод законов (ПСЗ). Собр. 2. Т. 10. СПб., 1837. № 8163] территория Войска была разделена на округа. В их число вошел и Хоперский округ, столицей которого до 8 августа 1857 г. была станица Алексеевская, а затем станица Урюпинская (ПСЗ. Т. 32. СПб., 1858. № 52204). Станица Михайловская относилась к этому округу и располагалась в 25 км северо-западнее Урюпинска. Указом от 21 мая 1870 г. Земля Войска Донского была переименована в Область Войска Донского (ПСЗ. Т. 45. СПб., 1974. № 48587). В 1918 г. войсковой круг переименовал Область Войска Донского в Область Всевеликого Войска Донского. После установления советской власти она была переименована в Донскую область (Путеводитель Государственного архива Ростовской области. Ростов н/Д., 1961. С. 464). — (О. Г., О. С.)

5 Постановлением ВЦИК от 10 января 1934 г. Нижневолжский край был разделен на Сталинградский край и Саратовский край. В составе Сталинградского края на основании постановления ВЦИК от 25 января 1935 г. «О новой сети районов Сталинградского края и улусов Калмыцкой автономной области» был образован Хоперский район с центром в станице Михайловской (История административно-территориального деления Сталинградского (Нижневолжского) края. 1928—1936 гг.: Справочник. Волгоград, 2012. С. 7, 372—373).

6 Машков вел огромную организационную и общественную работу. В своем жизнеописании 1926 г. он сообщает: «В феврале месяце 1918 г. был выбран Наркомпросом в члены коллегии ИЗО, а в июле того же года назначен Наркомпросом уполномоченным по реформе училища живописи, ваяния, зодчества... В сентябре 1918 г. ...был избран вторым по числу голосов на кафедре профессором живописи... Принимал участие в организации профсоюза ИЗО... С марта 1926 г. был избран членом бюро ИЗО Губрабиса» (РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Ед. хр. 1586. Л. 11). Художник руководил преобразованием МУЖВЗ в Свободные государственные мастерские. «Я всеми фибрами отдался реформе училища Живописи, Ваяния, Зодчества. [...] В 1917 г. до октябрьских дней я читал в военной школе краски маскировки лекции» (РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Ед. хр. 1586. Л. 8) (видимо, имеется в виду Высшая школа военной маскировки, основанная в Москве в 1918 г.).

7 Машков объясняет свой уход из ВХУТЕИНа необходимостью сконцентрироваться на живописной работе: «В последние годы мне заказали: 1) Заседание РВС 1919 г. во главе с т. Сталиным, 2) Государственная юбилейная комиссия портреты Наркомов т.т. Рыкова и Миронова, 3) Издательство АХР портрет т. В.И. Ленина... выполнить их (заказы на картины) мне не было возможности за неимением времени... С 1918 я не имел такого отпуска» (Заявление в правление ВХУТЕИНа от Машкова И.И. 21 сентября 1929 г. РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Ед. хр. 1586. Л. 9 об.). В своем заявлении в правление ВХУТЕИНа 15 апреля 1930 г. Машков пишет: «(ВХУТЕИНу) отдал самые лучшие и дорогие 11 лет. Я был его первоорганизатором (1918)... настала пора уступить место товарищам помоложе. Мне теперь очень хочется остальную часть своей жизни написать такие картины, которые были бы полезны рабочему классу и пролетарской революции... дальнейшую работу мою в ВХУТЕИНе в качестве профессора живописи считаю для себя невозможной» (РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Ед. хр. 1586. Л. 3).

тогда, как и теперь, что такая поездка, такое путешествие принесет мне огромную пользу со всех точек зрения. И я не ошибся.

Меня упрекают и печатно и устно, что я обленился, что я почти ничего не делаю за последние пять лет. Думаю, что когда люди, интересующиеся мной и моей творческой работой, прочтут эту книгу, они поймут в чем дело: окунувшись в практическую работу по социалистическому строительству, окунувшись в страстную напряженную обстановку этих лет, наполненную титанической работой всего сознательно во главе с партией и ее вождями по переустройству деревни и классовой борьбой, о которой я до сего времени имел самые смутные представления⁸, — окунувшись с головой во все это, я не только приносил какую-то конкретную пользу, но и заряжал себя на будущее.

Из этой книги многие поймут многое из того, чего они не знают и что знаю теперь я. Основное, что следует понять и эту задачу я преследую этой книгой, это то, что ничто великое и грандиозное не приходит само и не дается людям даром. Я приведу в пояснение этой мысли только один пример. Я был в Египте. Я видел там грандиозные сооружения древности — пирамиды египетских фараонов. Они дорого обошлись египетскому народу.

Но египетские пирамиды — это ничтожная величина по сравнению с тем зданием, которое мы возводим — со зданием социализма. И поэтому всех тех, кто склонны преувеличенно судить о возникших в процессе строительства этого нашего здания трудностях, я отсылаю

к истории. При этом прошу помнить еще и колоссальную разницу между пирамидами и социализмом: пирамиды строились рабами в угоду фантазии своих тиранов; социализм строился людьми освобожденного от рабских пут труда ради них самих и ради великого будущего человеческого общества.

Много из того, что я видел и что я изложу, покажется нелепым и диким. Но я буду правдив до конца. Я буду повествовать не только о борцах и искренних и подлинных строителях колхозной деревни. Я буду беспощадно срывать маски с мерзавцев и вредителей, нередко укрывавшихся за партией.

Прежде чем приступить к изложению самой поездки и моего пребывания в станице Михайловской, где из 5 лет я пробыл менее двух с половиной лет, сделал туда 11 поездок, я считаю нелишним познакомить читателя с прошлым этой станицы и с моей жизнью в годы детства и юности, проведенных в станице и вокруг нее.

Глава первая

В том месте, где стоит Михайловская, Хопер весной раздваивается. Как лезвием ножа рассекается в дни половодья река небольшим островом, устремляясь в селе [в тексте опечатка — свое] русло — в логово озера Яровского, огибающего летом станицу с северо-восточной стороны. Вот на этом-то острове и расположена станица. Небольшая площадь — километр в квадрате — густо заселена. Домики лепятся буквально на обрывах.

Но остров этот не всегда был заселен. В давным-давно минувшие времена он был, вероятно, зарослен лесом; тут было пристанище вольных казацких атаманов. Предание сохранило нам имя только одного из них — атамана Родьки — «со товарищи» Мирошкой и Авсейкой. По Хопру в Дон, к устью Дона по Азову шел в те времена [...] водный тракт. Особенно оживленной река была весной. Летом река мелела, баржи частенько садились на мель. Судходство прекращалось. О том, что Хопер был таким трактом, говорит

8 В станице Михайловской, как и повсеместно в СССР, шел процесс коллективизации сельского хозяйства. Осенью 1929 г. И.В. Сталин выдвинул лозунг сплошной коллективизации. В сентябре 1929 г. Нижневолжский краевой комитет ВКП(б) объявил Хоперский округ, в который входила станица Михайловская, первым в стране «опытно-показательным по сплошной коллективизации». Объединение хозяйств в Хоперском округе Нижневолжского края шло чрезвычайно высокими темпами. Если в августе в колхозах было чуть более 12 000 хозяйств (около 15%), то к октябрю 1929 г. в колхозы входило уже около 27 000 хозяйств (38%). Причем основной состав хоперских колхозов был бедняцко-середняцким (56%). В 1930 г. был создан колхоз имени Ворошилова и в станице Михайловской. Процесс коллективизации сельского хозяйства в Хоперском округе не был обеспечен необходимой материально-технической базой, не соответствовал интересам и чаяниям большинства казачьего и крестьянского населения, сопровождался множеством нарушений и, как говорили в то время, «перегибов», раскулачиванием и расказачиванием. В связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. Крайком ВКП(б) и Крайисполком установили для Хоперского округа плановую цифру для раскулачивания в 5500 человек. Насильно выселяемые «раскулаченные» казаки пытались организовать сопротивление. В 1929—1930 гг. в Хоперском округе были созданы повстанческие организации, в которые входили бывшие казацкие офицеры, кулаки, середняки и даже бедняки. Они пользовались негласной поддержкой местного населения. — (О. Г., О. С.)

тот факт, что еще сравнительно недавно, на памяти стариков, против станицы буря посадила баржу с конопляным семенем на берег: казаки, разумеется, на этом хорошо подработали.

Но здесь проходит не только этот водный Хопро-Донской путь. Верстах в двух от станции [в тексте опечатка — станицы] по

9 Шляг (шлях) — тракт, дорога между крупными казачьими станицами или ведущая в большие города. — (М. Р.) В 1722 г. по распоряжению Петра I был создан Астраханский почтовый тракт. Михайловский городок (предшественник станицы Михайловской) вошел в список почтовых станций (Рябов С.И., Самоилов Г.П., Супрун В.И. Петр I в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 118). 29 сентября 1735 г. старинная ордобазарная дорога (по которой в конце XVI — XVII в. перегоняли из Астрахани через Царицын в Москву коней — «конный базар», «однобазарные станицы») была превращена в государственный Астраханский шлях. Для обеспечения работы шляха в приказном порядке переселяют из лесной глухомани казачьи городки. Прихопье шлях проходил по уртам станиц Михайловской, Котовской, Урюпинской, Левыкинской, Тепикинской, Правоторовской, Бурацкой, Яминской, Алексеевской, Зотовской и Кумылженской, уходя далее на Арчединскую и Иловлинскую. Создаются почтовые станции из казаков из станиц Михайловской, Урюпинской, Правоторовской, Алексеевской, Зотовской и Кумылженской. Это уже не временки, как при Петре I, а стационарные строения с конюшнями, сеновалами, амбарами, постоянными дворами и казармами для казаков, исполняющих роль ямщиков по наряду. С 1742 г. по Астраханскому шляху ходила и «фруктовая почта» для доставки астраханских фруктов ко двору императрицы Елизаветы Петровны. С образованием Волжского и Астраханского казачества доставка почты возлагается на них. — (О. Г., О. С.)

10 Правая сторона Дона с притоками издавна называлась крымской, так как оттуда нападали крымские татары. — (О. Г., О. С.)

11 Неточность: Московское государство никогда не платило дани крымскому хану. — (О. Г., О. С.)

12 И.И. Машков справедливо пишет, что крепость (фортштад) была сооружена не только для нужд судоходства, но и для обеспечения контроля за казаками. Напоминает об этих событиях название хутора Фортштадского, существующего и в настоящее время. — (М. Р.)

13 Существует местное предание о происхождении названия хутора Форштатского. Весной 1696 г. царь Петр I решил побывать в Борисоглебске, чтобы самолично узнать, как идет постройка судов, которой руководил его учитель геометрии и фортификации голландец Франц Тиммерман. Царь остался доволен, и чтобы окончательно убедиться в превосходном качестве судов, на одном из них поплыл вниз по Хопру. В Михайловском городке он задержался и пробыл в нем несколько дней, смотрел, как оснащаются суда парусами, провиантом. Побывал и на Яровском озере и увидел на противоположном берегу два хутора. Спросил об их названии у сопровождавшего атамана. Атаман пожал плечами и ответил, что у них нет имени. Царь решил этим хуторам дать имена. И поскольку они были на окраинах станицы, являлись как бы ее пригородами, «форштатями», то Петр назвал их соответственно расположению Верхней, Средней и Нижней Форштатью. Причем в Нижнюю Форштать был переименован хутор, который уже имел название — Красноярский. Но менять своего решения царь не стал. Первые два названия сохранились за безымянными хуторами, а название «Нижняя Форштать» не прижилось, хутор так и остался Красноярским (Лащилин Б.С. На родных просторах. Записки краеведа. Волгоград, 1968. С. 80—82). — (О. Г., О. С.)

обе стороны проходили два шляга: Астраханский шляг⁹ и Крымский¹⁰. По Астраханскому шляху шли каспийская рыба, персидские товары, баскунчакская соль снизу и сверху из Москвы зерно, мед, воск и другие продукты, а также изделия ремесленной промышленности. Крымский шляг, являясь издавна военностолбовой дорогой, и служил одной из связующих магистралей между Московией и Крымским ханством. Тут шла дань Москвы крымскому хану¹¹, шла азовская соль, шел скот.

Раздолье было атаману Родьке! Весной он сидел в оврагах, сторожа зазевавшихся купчиков с баржи летом, промышляя на больших дорогах. Но деятельность Родек и Мирошек московским царям нравиться не могла. Особенно не могла она нравиться Петру¹². Ему здесь, на этой водной магистрали, как и везде, нужен был железный порядок, и он принялся за наведение этого порядка со всей решительностью. Памятником об этих порядках сохранилось название хутора, стоящего с востока от станицы по левую сторону озера Яровского. Этот хутор носит странное, на первый взгляд, название — Форштат(д)ский¹³... — крепость; ... — место, «укрепленное место». Царю Петру пришлось ставить очень много таких фортштатов. Он не мог мириться

с казацкой вольницей, еще не забывшей своих походов на Москву и посадившей на трон его деда Михаила Романова. Казачество надо было смирить, надо было решительно прекратить всякий разбой, который у казаков был одним из любимейших промыслов. Надо было с корнем вырвать бунтарство этих вчерашних беглых ушкуйников¹⁴ и рабов. Но царь Петр был слишком умным царем, чтобы не понимать, что тут надо бить сразу и снаружи и изнутри. Еще слишком грозное это было воинство, чтобы смирить его одним железом и топором. Это были не стрельцы, которых можно было сразу раздавить, разъединив их посулами и обманом, и он становится на путь единственно верной тактики: узаконивая «вольность» казаков¹⁵, жалую их атаманов и есаулов дворянством¹⁶, он в то же время ставит против всех более или менее крупных казацких «городков» укрепленные «фортштадты» с солдатами и пушками и беспощадно казнит и рвет уши и клеймит всех «воров» и «разбойников». Одновременно он начинает проводить в жизнь указы царевны Софьи от 1888 г.¹⁷ Указы эти запрещали впредь казакам принимать в свои ряды новых беглых «людисек» и вводили налоги на промысла.

Именно на этой почве вспыхнуло Булавинское восстание 1707—1708 гг. Восстание это началось в Бахмутском «городке», где атаманом станицы и был Кондратий Булавин. Около Бахмутского «городка» были казацкие солеварни. Стоявший против этого «городка» полковник Изюмского Московского полка начал проводить указ о налогах в жизнь. Он потребовал внесения подати с солеваренного промысла¹⁸. Возникло трение. Казаки решительно отказались, поддерживаемые своим атаманом. Тогда полковник

14 Ушкуйники — добровольцы, завербованные новгородским князем или боярами для освоения новых земель. Известны с XI в. в Новгороде и на Новгородской земле. Плавали на небольших речных судах с веслами — ушкуях. Принимали участие в освоении земель по Дону и Хопру. — (О. Г., О. С.)

15 Современные российские историки (А.Ю. Дворниченко, В.Н. Королев, Н.А. Мининков, С.И. Рябов, С.А. Козлов) признают существование своеобразной казацкой государственности, тесно связанной с Россией. Они указывают на постепенное подчинение Москвой к XVII в. суверенной вассальной республики на Дону. Окончательное подчинение Дона Российскому государству произошло после овладения Азовом и заключения в 1700 г. Константинопольского мира с Османской империей, когда позиции русского правительства на Дону и в Приазовье значительно укрепились. Азовскому губернатору было вверено наблюдение за Войском Донским, а в 1705 г. Петр I поручил ему донских казаков ведать, как Вас бог вразумит. Подавление Булавинского восстания вылилось в массовое истребление казачества. После этого Россия полностью подчинила себе вольный в недалеком прошлом Дон. Земля донских казаков стала внутренней провинцией государства с некоторыми особенностями в управлении и укладе внутренней жизни населения. — (О. Г., О. С.)

16 Введение в 1722 г. Петром I Табели о рангах открыло возможности для получения дворянства и казацкой войсковой старшине. Однако к началу 60-х гг. XVIII в. только некоторым старшинам удалось получить армейские чины и сопряженное с ними дворянское достоинство. К середине 70-х гг. ими обладали уже более 30 представителей донской верхушки. Это дало повод добиваться уравнивания в правах казацких чинов с чинами армии. Тогда это требование выполнено не было. В годы правления Екатерины II под напором обстоятельств и под влиянием начальника легкой кавалерии и казацких войск Григория Потемкина притязания старшины были частично удовлетворены. Указ Екатерины II от 14 февраля 1775 г. способствовал численному росту и укреплению новоявленного дворянства на Дону. Однако процесс превращения войсковой старшины в военно-служилое дворянство в основном закончился в самом конце XIX в. После указа Павла I от 22 сентября 1798 г., приравнявшего все казацкие чины к штаб- и обер-офицерским чинам в армии, казацкие офицеры получили право, в соответствии с «Табелем о рангах», предоставлять документы на возведение их в дворянское достоинство (История Дона и Северного Кавказа до 1917 года: Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «История» / Под ред. А.И. Нарезного, Н.В. Самаринной. Ростов-на-Дону, 2001. С. 215—217). — (О. Г., О. С.)

17 Неточность: Софья Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича, ставшая после смерти брата Федора Алексеевича регентшей при братьях Иване и Петре, правила в 1682—1689 гг. Указ 1688 г. касался выдачи Москве главарей Медведицкого восстания раскольников. — (О. Г., О. С.)

18 Неточность: старые казацкие солеварни на Бахмуте были захвачены Изюмским полком, что и послужило непосредственным толчком к восстанию. К. Булавин с отрядом казаков отбил солеварни у полка осенью 1705 г. — (О. Г., О. С.)

с сухостью чиновника приказал солдатам разрушить солеварни. Казаки восстали. Во главе движения стал Булавин — человек большой воли и сильного телосложения. Восставшие разбили изюмцев, разбили вслед за тем московские войска под Шульшинским городком¹⁹. Станица за станицей примыкают к Булавиному. К нему бегут теперь все обездоленные и гонимые. Тут и бедные крепостные, тут и раскольники, тут и остатки бежавших стрельцов, тут вообще все, что питало злобу к извергу царю и к московским князьям, боярам и помещикам. С войском в 20 тыс. человек Булавин берет Черкасск, столицу Дона.

Собранный им Войсковой Круг провозглашает его атаманом; прежний атаман Максимов²⁰ и старшины умерщвляются.

Но скоро Булавин был разбит отборными московскими войсками, обученными на европейский образец Петром. Пришел конец и всяким вольным шайкам. И атаман Родька со-товарищи предпочли кнуту и вырыванию ноздрей дворянство. С тех пор роды Родионовых, Мироновых, Евсеевых становятся и почетными и уважаемыми станицы Михайловской. А казачество постепенно становится послушным

19 Неточность: Шульгинский городок на реке Айдарев, где в ночь на 9 октября 1707 г. казаки уничтожили часть войска князя Долгорукого и убили самого князя. — (О. Г., О. С.)

20 Максимов Лукьян — выборный Донской атаман начала XVIII в. Умел заслужить доверие Войсковых Кругов и избирался шесть раз — в 1697, 1702, 1703, 1705, 1707 и 1708 гг. Во время Булавинского восстания возглавил ту часть казачьей старшины, которая осталась верной Петру I. С походным войском численностью в 8 тыс. человек выступил против Кондратия Булавина. Был захвачен булавинцами и казнен на майдане города Черкаска 1 мая 1708 г. — (О. Г., О. С.)

21 После подавления Булавинского восстания 1707—1709 гг. с былыми вольностями казачества было покончено. Петровские указы способствовали превращению донских казаков в служилое сословие, состоящее на службе царя и Российского государства. — (М. Р.)

орудием самодержавия как во внешней, так и во внутренней политике²¹. Это казаки тушили венгерскую революцию 1848—1849 гг. Это казаки громили революцию 1905 года. Это они пороли восставших мужиков, это они сторожили помещичьи имения.

Но не следует преувеличивать. Казаков привыкли считать чем-то вроде диких варваров, способных быть только палачами. В своем быту донские казаки времен 1880—90—1900 гг. были такими же мирными земледельцами, гостеприимными, радушными и жизнерадостными, как и другие народности нашей страны.

Были и радости, было и горе. Вопрос, конечно, заключается не в том, чтобы обелить или очернить казаков. Но еще у многих и до сих пор о казаках имеется неверное и предвзятое представление. Однако, может быть, немногие знают, что казаки Хоперского округа и, в частности, казаки станицы Михайловской, вернее бедняцко-средняцкая их часть, первыми в Союзе Советов двинулись сплошной массой в колхозы, положив начало могучему движению сплошной коллективизации.

Преддверием этого является мощное красное партизанское движение в станице Хоперского округа, являющееся результатом наличия в этих станицах и хуторах большой бедняцкой прослойки.

Мои прадеды по отцу и по матери пришли на Дон в начале прошлого столетия в 1820—1830 гг. Как те, так и другие были государственными крестьянами. Придя сюда в разное время, они оказались земляками. И Машковы и Андреевы — мои родичи по матери — выходцы из Проненского уезда Рязанской губернии²². Дедушку и бабушку по отцу я не помню. Не помню я дедушку и по матери. Но бабушка по матери... отлично сохранилась в моей памяти. Запомнился мне такой случай. Я — мне было лет 5—6 — видимо, расшалился. Призывая меня к порядку, она сказала: «Вот он тебя, боженька-то... ухо отрежет».

Я уже давно обращал внимание на «боженьку». На деревянной крашеной доске выглядело сухонькое личико беленького старичка, поднявшего руку для благословения. Это была икона Николая Чудотворца. Но мне казалось, видимо, странным, что «святитель» разломлен как раз по носу пополам. Воспользовавшись удобным случаем, я спросил бабушку: «Почему это боженька такой ломанный и облупленный?» Бабушка начала ворчливо ругать моего отца: «Это все твой отец, он пришел, Ваня-то, пьяный и начал буянить. А я ему и скажи: бог тебя за это покарает. И лучше б не говорила. Снял он икону-то да и на пол, да и шлепнулся на нее прямо задом. Ну икона-то и раскололась, а новую купить было не на что».

Заслушав ее объяснения, я тотчас же сообразил, что «боженька» значит не очень злой, коли с ним можно так свободно обращаться. Однако мистическая власть «боженьки» оставалась все же таинственной и непонятной, и потому [он] вызывал изумление и трепет.

Моя родословная, думается, имеет немалое значение с точки зрения формирования моей психики в детстве. Поэтому необходимо произвести некоторый анализ этой родословной, чтобы знать, какими настроениями и интересами я питался в те дни, когда человеческий организм представляет жадную губку, впитывающую в себя и дурное и хорошее. Мне неизвестно точно, чем занимался, придя на Дон, мой прадед по отцу. Но дед Семен Машков, видимо, имел уже маленькую торговлю, унаследованную моим страшим дядей Филиппом Семеновичем. Второй мой дядя, младший после отца, Василий Семенович, был фельдшером. Он получил это звание на военной службе. Мой отец Иван Семенович, явившись из солдат с котомкой за плечами, не имел по всем данным ничего, за исключением грамоты. В роте он был чем-то вроде письмоводителя — грамотность по тому времени невероятная. Брат моего деда Назар Машков тоже, видимо, был торговцем. Его сын, двоюродный брат

²² В документах о рождении и крещении И.И. Машкова о родителях говорится: «Рязанской губернии, Пронского уезда, села Архангельского государственного крестьянин Иван Семенович Машков и законная жена его Анастасия Стефановна, оба православные» (ГАВО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 26. Л. 36 об., 37).

моего отца и мой, следовательно, двоюродный дядя Михаил Назарович Машков — унаследовал от него эту профессию²³.

По линии матери — Андреевой — в моем родстве, поскольку мне известно, не было ни одного торговца. Семейное предание говорит, что прадед Андреев был «горшечником»; с горшками, продуктом собственного труда, он и начал наезжать в северную часть Хоперского округа в станицу Михайловскую. А потом он здесь и осел. С тех пор и осталось за Андреевыми прозвище «горшки». Но,

видимо, очень скоро он переселился сюда совсем. Однако сын его, мой дедушка, Степан Андреев, профессию имел другую — он был плотником. Надо думать, что и прадед, явившись на Дон со скарбом, изменил свою квалификацию на более легкую и, может быть, более выгодную — плотничье рукоделие. К тому же наладить горшечное производство было делом нелегким.

Мой дядя по матери, а вслед за ним и их дети — мои двоюродные братья — были почти все плотники и столяры.

Итак, по линии Машковых я имею одного дядю и одного двоюродного — торговцев. По линии Андреевых — все до одного ремесленники. Это очень важно установить для последующего повествования.

Видимо, торговлишка у деда Семена была настолько скудной, что делить ее между своими сынами было невозможным делом. Передав свое дело старшему сыну Филиппу Семеновичу, дед двух младших сынов предоставил собственной судьбе. Благо оба были грамотны. И когда, как я уже сказал выше, мой отец Иван Семенович Машков явился из солдат, то перед ним встал вопрос — что делать. Тут он встретился с матерью. Мать была младшей дочерью в семье. Старшие братья ее постепенно отпочковались от деда на свои хлеба. И дед, видимо, подыскивал подходящего парня, чтобы взять его «во двор». Дело быстро уладили. Отца и мать повенчали²⁴, и он поселился в доме тестя, моего дедушки Степана Андреева.

Как и надо было ожидать, через год — «...» 1881 года появилось на свет новое существо. Этим существом и был я²⁵.

Рассказывают, что я, родившись, тотчас же заорал благим матом, что было воспринято как хороший признак: «Этот ротан²⁶ будет долго жить», — воскликнула бабушка. Пока что это пророчество верно.

23 В справочном издании «Вся Область Войска Донского на 1900 год. Книга администрации, промышленности и торговли» (Ростов-на-Дону, 1900) на с. 587 в станице Михайловской упоминается как торговец мануфактурным товаром М.Н. Машков.

24 В обычной книге браков Сретенской церкви станицы Михайловской от 30 июля 1880 г. есть запись о «желающих вступить в брак женихе Рязанской губернии, уезда Пронского, Архангельской слободы, Пронской местной команды рядовом Иване Семеновиче Машкове, православного вероисповедания, 25 лет и невесте Рязанской губернии Пронского уезда, слободы Никольской крестьянской дочери Анастасии Степановне Андреевой, православного вероисповедания, 21 года» (ГАВО. Обыкновенная книга браков 1879—1883. Сретенская церковь станицы Михайловской Хоперского округа Области Войска Донского. Л. 72).

25 В документах архивного фонда Сретенской церкви станицы Михайловской Хоперского округа в метрической книге о рождении за 1881 г. имеется актовая запись № 76 о рождении 17 июля 1881 г. и крещении 20 июля 1881 г. Ильи Ивановича Машкова (ГАВО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 26. Л. 36 об., 37).

26 Ротан — рыба-бычок с большим ртом. — (М. Р.)

Я думаю целиком оправдать его: жизни, бодрости и силы во мне, несмотря на мой 54-летний возраст, еще очень много.

Попав в семью Андреевых, мой отец, видимо, оказался не у дел. Шуровья его — плотники, мастера; тесть плотник; они зарабатывают; кормятся. Но надо было, видимо, и ему кормить себя и жену и вообще надо было чем-то жить. И вот они вдвоем — отец и мать — начинают промышлять. Первое время отец ходит в хутора на поденную работу; мать занимается стиркой, мытьем полов у богатых людей. Кое-как перебиваются. Оба молоды, силы еще не израсходованы, на себя хватает. Но скоро мать выходит из строя, ибо появляется раб божий Илья. Тогда, по рассказам тети, отец берется за кислые бублики. Мать делает бублики — отец выносит их на базар в кошелке и продает с рук. Так прожили год. А в 1883 г. расторопного бойкого Ваню замечает

известный в те времена в станице Михайловской виноторговец, откупщик Климов. Он берет отца приказчиком и посылает его в хутор Красный, что в 12 км от станицы. Хутор Красный стоит на распутье трех дорог. Как не быть там кабаку. Отец этому был, конечно, несказанно рад. Готовая квартира и сторублевое



жалование в год было настоящим счастьем. Мне было немногим больше года. События этого я, конечно, не помню. Я помню только, что в раннем детстве часто ездил в Михайловскую, которая производила на меня впечатление города²⁷. Ездили родители, конечно, в праздничные дни. В станице было шумно. Меня поражали железные крыши домов, которые начинали гореть от самых Частых курганов. Остановливались мы всегда, конечно, дома, у бабушки. В одну из этих поездок и произошел, видимо, первый мой религиозный диспут с этой последней.

И вот тут-то начиналось воздействие на мою психику родичей. Я никогда не любил бывать у дяди Филиппа Семеновича. Во всяком случае я был равнодушен к богатому дяде, у которого в доме царили благолепие, порядок и чистота. Андреевы были мне ближе. Тут делались всякие интересные вещи. Дядя Никита Степанович рубил, строгал, долбил. Из-под его рубанка вились чистые, свежие, пахнущие смолой стружки. Часами мог я стоять рядом с его верстаком и наблюдать за его однообразными движениями. Для меня они казались необычайно занимательными.

Именно этим влиянием на мое воображение труда дяди, представляющего из себя смену самых удивительных для меня процессов,

Ученые казаков на станичной улице

1870-е. Фото И. Болдырева. Архив РГО

27 Казачьи станицы действительно разительно отличались от крестьянских деревень и украинских слободок, в которых преобладали мазаные хатки с соломенными крышами. После переноса на новые места станицы обычно отстраивались по принципу квартальной застройки, по заранее составленным войсковыми землемерами планам. Место для вновь отстраивающегося подворья выделял станичный атаман по заявлению хозяина-строителя. В каждом квартале избирались и утверждались атаманом квартальные — ответственные за чистоту, благоустройство и пожарную безопасность. Квартальные же организовывали ночные дежурства жителей своего квартала. При необходимости атаман созывал станичников на общественные работы: чистку колодцев, русла речки, засыпку оврагов и пр. Центром любой станицы, так же как и в городке, был плац (майдан). Здесь проходили общественные сборы, жеребьевки, воинские учения. Отсюда провозжала станица казаков на службу, по большим праздникам здесь устраивали народные гулянья. В центре поселения стояли здания станичного правления (атаманская) с тюрьмой («тигулевкой»), почта, церковь. Выделение центра поселения как места проведения общественных мероприятий обуславливалось особенностями общинного устройства казачества. Каждая станица делилась на концы, имевшие собственные названия: Базки, Куток, Непочетная слободка и пр. Станица Михайловская, по свидетельству донского краеведа И. Сулина, делилась на две части: Базарная (южная) и Козий угол (северная) (Сулин И. Станица Михайловская // Донские епархиальные ведомости. 1895. № 24). Нередко деление на концы было связано с сословной принадлежностью жителей поселения. Так, во многих станицах выделялись Мужичьи улицы и концы, где селились иногородние. Здесь же, на краю, выстраивались горшечные и бондарные мастерские, кузницы и кирпичные заводи, которые также принадлежали иногородним. Особенности общинного уклада жизни казачества отражались и в строгой регламентации отдельных мест поселения по половозрастному признаку. В каждой станице выделялись места для проведения ярмарок, мужских конно-спортивных состязаний, детских забав и молодежных игр. Ярмарки, о которых также вспоминает Машков, устраивали на центральной площади или на краю станицы. Специальные места отводились для общественных гуляний. Молодежные игрища и девичьи хороводы всегда устраивались на краю поселения: на яру или поляне. Почти в каждой станице было место для «последнего прощания» с уходящими на службу казаками, где, по обычаю, также устраивали и последнее гуляние (Плакучий курган, Веселая балка, Маяк, Белый курчугур и пр.) — (М. Р.)

28 Полати — деревянный настил для спанья, идущий от русской печи до противоположной (боковой) стены хаты над входной дверью. — (М. Р.)

и объясняется мое страстное влечение к технике. Что могло быть занятным для ребенка в доме дяди-торговца? Ничего. А здесь... здесь был целый мир действий, движений, звуков. И уже в те времена я отлично ориентировался во всей наличной технике. Я знал устройство ветряных и водяных мельниц; меня интересовал часовой механизм; я знал и умел делать сам все виды трещоток, вертушек и целый ряд других деревянных игрушек. Змей!.. Я знал в раннем детстве, как надо делать змея с трещоткой и столбового змея. Я пытался делать даже скрипки сначала с конским волосом, а потом и с кишечными струнами. Не зная, не видя никогда даже на картинках настоящих кораблей, я умудрялся делать их, создавая их вероятные формы силою воображения. Одновременно я начал проявлять склонность к зарисовыванию. Эту мою страсть я пронес сквозь все испытания, которые сулила мне жизнь. Ее я донес до настоящего времени. Еще и сейчас, идя мимо витрин технических магазинов, я не мо-

гу равнодушно проходить мимо них, не постояв около них и не осмотрев всех выставленных инструментов, станков и машин.

Что еще осталось у меня в памяти от этих лет. Необычайная теснота, царившая в хате бабушки, где кроме нее жил дядя Никита со своей многочисленной детворой; в одной комнате жили и взрослые, и дети: бабушка на печке, дядя с женой на кровати; сверху над кроватью, на полатах²⁸, на которых была постлана «постель» — валянная из шерсти подстилка больших размеров — возились мы — человек пять-шесть детворы.

Жизнь семьи в Красном протекала до 1890 г. Кроме хутора Красного и Михайловской я ничего не видел. Это весь мой кругозор в эти годы. Когда мне исполнилось 8 лет, меня отвезли на постоянное жи-

тельство в Михайловское, так как школы в Красном не было. А на следующий год отца перевели в другой хутор — в Сычи²⁹, и с Красным я распростился навсегда. О хуторе Красном тех дней сохранилось такое представление: глушь, тишина необычайная; крытые соломой домики³⁰; редкие хатки; казаки...

Я уже говорил, что если станица больше чем наполовину была заселена «мужиками», то здесь жили сплошь казаки. Их жизнь, быт, нравы, я впитывал в себя как губка. Типы донских казаков в моей голове запечатлелись очень ярко, гораздо ярче и мощнее, чем написаны казаки в известной картине Сурикова «Ермак покоряет Сибирь». При внешней мощи казаки обладали очень скудным внутренним багажом. В хуторе Красном было едва ли больше двух грамотных казаков /о женщинах уж и говорить нечего/. Эти грамотные были: хуторской атаман /я помню, он читал казакам какую-то газету, им выписываемую/ и хуторской писарь. Вся духовная жизнь казаков, насколько я могу судить по тому времени, сосредотачивалась вокруг кабака, да вокруг царской службы и всяких связанных с нею повинностей /выезды в лагеря, смотры и т.д./. В последнем случае водка и вино играли, конечно, тоже не последнюю роль. Пить казаки любили. Пили при каждом удобном случае.

А случаев было много: выход и приход из лагерей, проводы на службу, свадьбы, крестины... В пьяном виде казак был широк, шумлив и нередко буен. Но буйство это всегда, сколько я помню, не принимало кровопролитных форм. Это буйство скорее носило какой-то нарочитый характер: «Чуш-братуш³¹, — я ж казак!» — в таком вот виде я мог наблюдать казаков и старых и молодых много раз. Частенько двери винного заведения, которым заведовал отец, трещали, стойка дрожала, столы сотрясались от могучих ударов кулаков. Часто возгорались громкие споры пивших казаков между собой, доходившие до скандалов и до драки. Но даже в драке казаки соблюдали известные нормы. Драки были незлобливы. Я никогда не видел беспощадных

29 В юрт каждой станицы входило несколько хуторов. Хуторами на Дону назывались постоянные поселения, возникшие в то время, когда донские казаки прочно закрепились в Диком Поле. Они использовались для занятия скотоводством, а впоследствии — и земледелием. Их возникновение на Дону относится к концу XVII в. Стремление казаков к сельскохозяйственному труду, отвлекавшему их от труда ратного, вызывало недовольство войсковых властей, которые требовали «жечь их без остатку». Однако остановить этот процесс уже было невозможно, и в последней четверти XVIII в. хутора приобрели законный статус. Они уже были вполне приспособлены для занятий земледелием и оседлым скотоводством: увеличивалась численность хозяйственных построек, вместо примитивных землянок отстраивали добротные дома. В административном отношении хутор подчинялся станице, где имелось станичное правление. Казачьи хутора существенно отличались от тех, что возникали в Центральной России. История возникновения последних связана преимущественно со столыпинской реформой начала XX в., когда крестьяне получили право выхода из общины и обустройства отрубов-хуторов. Крестьянские хутора были, как правило, малодворными, в то время как казачьи, с давней историей, могли быть очень большими, многие из них имели развитую инфраструктуру, делились, как и станицы, на концы, имели плац, церковь, школу, «питейные» и торговые заведения. Именно таким, судя по описанию Машкова, был в конце XIX в. хутор Сычи, расположенный в юрте станицы Михайловской. — (М. Р.)

30 Соломой в казачьих поселениях крыли жилища только самые бедные из числа казаков и иногородних. Гораздо чаще использовали в качестве кровли чакан, а жажиточные — тес и железо. — (М. Р.)

31 Чуш-братуш — присказка, очевидно, производное от «чуешь, брат». — (М. Р.)

32 Машков очень точно воспроизвел атмосферу мужских казачьих гулянок, в которых размах и удалство сочетались с незлобностью и умением себя контролировать. По свидетельству многочисленных источников, почти все важнейшие события в общинной жизни казаков, сопровождавшиеся «возлияниями», отличались четкой организованностью. Например, на масляничные и троичные гулянья (так называемые «ссыпки») избирался атаман, два его помощника-есаула, судья, писарь, казначей и другие «должностные лица». При этом «ссыпчный» атаман наделялся такой же властью, как и настоящий. Этнограф А. Казмин в конце XIX в. писал: «Он — глава ссыпки, следит за порядком, командует ссыпкой, направляя ее то в ту, то в другую сторону, посылает гонцов, по его приказанию начинают подносить угощения, он открывает и прекращает ссыпку, наконец, он в случае отсутствия судей, творит суд и расправу. Как судья он пользуется обширными правами: может исключить виновного из ссыпки, наложить на него штраф и даже посадить под арест. Атаману должны подчиняться все беспрекословно, хотя бы в ссыпке был его отец и даже настоящий атаман. Власть его ограничивается только общим собранием. О всяком важном вопросе, прежде чем решить его, атаман должен посоветоваться с собранием, преимущественно со стариками» (Казмин А. Частные и общественные гульбища на Дону // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 3. С. 11). Исследователь отмечал также, что в былые времена «ссыпчный атаман на время сменял настоящего». При такой организации праздничных гульбищ пьяные эксцессы если и имели место, то пресекались немедленно, а виновного отдавали на суд стариков. Что касается описанных Машковым нарочитого буйства казаков и почти обязательных пьяных драк, не отличавшихся, впрочем, ни кровопролитностью, ни злобностью, то и здесь им подмечена собственно казачья культурная специфика. Умение драться считалось обязательным для подрастающего казака-воина, этому его обучали с раннего детства. При этом включенность драк в институт социализации казаков-юношей приводила к строгой регламентации боев. Драки на Дону организовывались общиной и представляли собой ритуальную систему кулачных боев (местное название — кулачки). В жизни казачьей общины кулачки являлись формой организации досуга, народной забавой, обладающей, однако, некоторыми специфическими функциями, направленными на выработку боевых



ударов чем попало. При этом через пять минут дравшиеся, уже мирно обнявшись, следовали домой, целуясь по пути. У меня во время подобных скандальных сцен, как это ни странно для ребенка, никогда не было такого состояния, что может совершиться что-либо ужасное. Не знаю, чем это объяснить, но я бывал всегда в полной уверенности, что скандал кончится благополучно и мирно: никого не убьют, не зарежут³². У моих родителей, конечно, беспокойства было больше. В потоке расходившихся буйных страстей могли пострадать тарелки, графины, стаканы, окна, столы, стулья. Но, пожалуй, и только. Да и это было очень и очень редко.

Да, видимо, и не было таких условий у казаков, которые бы создавали зверскую обстановку и зверский инстинкт. Их жизнь производила впечатление здоровой, цветущей, полнокровной³³. Если гулять, то гуляют до положения. Если работать, то работают — работают много и упорно — все от мала до велика. Редкие из них в те времена прибегали к труду батраков. Несколько больше нанимали на уборку хлебов /особенно косарей, там, где казак был на службе/. Подавляющее большинство все производило своим трудом. Работы было много. Тут и домашность /скот, птица, свиньи/, тут и огород, тут сад — редкий казак не имел сада, тут, наконец, полевые работы. Наступала весна... тает снег, каза-

Мальчики борца учиняют

1880-е. Фото И. Болдырева. Архив РГО

ки чинят орудия производства: плуг, бороны, сохи, катки, упряжь, делают быкам ерма, войца; бабы хлопчат с посевным зерном, с рассадой. Наконец, земля подсохла, можно выезжать на поле. Собирается в горнице вся семья. Глава семьи коротко крестится на икону. Тут же из-под иконы снимается «жаворонок», испеченный из пшеничной муки, «жаворонок» — символ весны, символ удачного сева. По приезде на поле его торжественно разломят на кусочки и съедят. Люди твердо были убеждены, что без этого урожай будет плох. Видимо, это остаток древнеязыческого ритуала — весеннее жертвоприношение. Сняв «жаворонок», глава семьи присаживается, присаживается и вся семья. Посидев минуту, встают и тотчас же отправляются в поле³⁴.

Кончили сев, начинается обработка и огораживание огородов. Старики плетут плетни. Вслед за тем мнут кизяки³⁵.

В середине мая молодые казаки «служивые» отправлялись на майское учение. В это время в полях идет полка подсолнуха и бахчей, пашут пары, а там подходит косьба луга и уже золотятся хлеба. А потом озимый сев и пахота «подзимей» до самого снега. Зимой масса свободного времени, но до полной праздности очень далеко. Трижды в день надо убирать скотину, для которой корм зачастую привозился с поля. Надо заготавливать дрова, рубить для всяких хозяйственных нужд лес /за

навыков, ловкости и выносливости их участников. Главные принципы организации кулачного боя — разделение участников на две партии («стенка на стенку») и неукоснительное выполнение определенных правил и запретов. Перед началом боя противоборствующие партии заранее обговаривали условия: биться до первой крови, до полного разгона, до бреши в стене. Важнейшие правила: не бить лежащего, не бить сзади — только в лоб. Запрещалось закладывать в руку (или в рукавицу) свинчатку. У казаков организация каждой из партий строилась на строгих социовозрастных принципах. В бою участвовали (в составе своих групп) дети 5—6 лет, подростки, казаки приговорительного разряда, служилые неженатые казаки, семейные и старики. В ходе кулачного боя четко распределялись функции участников каждой группы. Дети 5—6 лет и подростки выполняли функцию затравщиков. После того как участники боя выстраивались в позицию «стенка — на стенку», они выходили на свободное пространство и обменивались обидными прозвищами и кличками. Следующими в бой вступали подростки, затем подключалась «стенка», состоящая из взрослых казаков. Функции стариков заключались в судействе: они следили за соблюдением правил боя, в случае необходимости останавливали его, наказывали провинившихся, награждали победителей. По окончании битвы ее участники обменивались рукопожатиями, обсуждали прошедший бой. Главная — социализирующая — функция кулачных боев заключалась в том, что они давали возможность казаку демонстрировать общинному миру свою все возрастающую социальную зрелость и получать от мира публичную оценку его мужских и воинских качеств. В казачьих станицах и хуторах особым почетом пользовались так называемые «бойцы», вышедшие перед началом кулачек на поединок, и вообще те, кто отличался в кулачных боях особой удалью. Вместе с тем жестокость и озлобленность в кулачках не допускались. В экспедициях нам приходилось слышать рассказы о казаках, наложивших на себя добровольный запрет на участие в кулачках из-за причиненного увечья противнику. Помимо кулачных боев совсем нередкими в казачьем быту были и обычные драки, но школа «кулачной выучки» сказывалась и на их специфике. Они, по многочисленным свидетельствам современников, действительно отличались «незлобливостью», умением участников драки вовремя остановиться и примириться. — (М. Р.)



Изготовление кизяков

1870-е. Фото И. Болдырева. Архив РГО

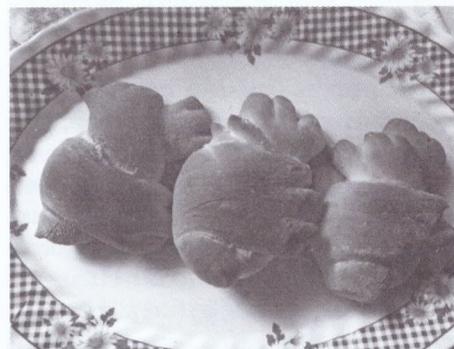
33 Самобытность казачьей культуры производила в буквальном смысле завораживающее воздействие на мальчика Илью. Эта самобытность определялась совершенно особым укладом жизни казаков, сформировавшихся в вольных сообществах мужчин-воинов. На протяжении веков они отстаивали свои волюнты, сохраняли воинский общинный уклад, особые обычаи и обряды. На фоне пестрой в культурном и социальном отношении массы иногородних (не имевших к тому же на Дону собственной системы самоуправления) казаки выступали как сила организованная, сплоченная общей идеей служения царю, отечеству и православию и верностью казачьим традициям. Казачья культура поражала и тех, кто воспринимал казаков как душителей свободы, палачей и убийц, и тех, кто полагал, что именно казачеству суждено быть хранителями русской народной самобытности. И хозяйственная, и культурная сферы жизни казаков были строго регламентированы, нацелены на постоянное воспроизводство мужчин-воинов, их подготовку к военной службе. Основой общинной жизни казаков была традиционная система самоуправления, включавшая казачьи Круги, выборность должностных лиц, сильную атаманскую власть, круговую поруку и взаимовыручку. Повседневные тяготы жизни казаков, вынужденных сочетать земледельческий труд с трудом ратным, сопряженным с постоянным риском, частыми и долгими отлучками из дома, нередко выпадали из поля зрения внешних наблюдателей. В глаза чаще бросались достаток, «справность» казачьих хозяйств и их яркая парадная обрядность. Эти черты казачьего уклада запечатлены и в рукописи Машкова, восхищавшегося добротностью казачьих домов, обилием припасов в их кладовых, особой торжественностью и размахом праздников. Привычку к строгой дисциплине, регламентированности как общественной, так и частной жизни казаки сочетали с умением широко и буино гулять в дни праздников — общинных и семейных. Безудержность и в труде, и в праздности — характерная черта психологического портрета казака. — (М. Р.)

34 Печенье в форме жаворонков в казачьих семьях выпекали на праздник «Сороки» — так по-народному назывался день памяти Сорока мучеников (9/22 марта). В народе говорили, что в этот день «зима кончается, весна начинается». Особая значимость этого праздника была связана с его близостью ко дню весеннего равноденствия. По народным представлениям, весну приносили 40 птиц, прилетавших в этот день с юга, первой из них был жаворонок. Поэтому в этот день хозяйки пекли из пресного теста печенье в виде жаворонков, его давали детям, которые выходили с ним на улицу, пели песни-веснянки и кликали весну. Остатки печенья хранили до дня первого выезда в поле, которому придавалось особое значение. К этому же событию сохраняли и остатки масленичных куличей. Их сушили и хранили «под образами» (под иконами). Готовясь к выезду в поле, их крошили и смешивали в рассевальнике с семенами. Брали с собой в поле и высушенные печенье-кресты, которые выпекали в день Средокрестия (середина Великого Поста). Их закапывали по углам поля перед началом сева. Семена для первого посева предварительно освящали в церкви. Во многих станицах первый выезд в поле отмечался как общественный праздник: выезжали в поле сообща, ставили общий стан, перед севом молодежь водила хороводы, в которых «обыгрывались» процессы предстоящих полевых работ (Тривин А. Весна в Задонье // Донские областные ведомости. 1872. № 22; Головачев Г.В. Свадебная и хороводная обрядовая поэзия на Дону // Народная устная поэзия Дона. Издательство Ростовского университета, 1963. С. 187.). В традиции совместного поедания жаворонков и символического возврата пашне обрядовых печений, скорее всего, выражается идея не «древнеязыческого жертвоприношения», а всеобщего обмена — однажды данный землей урожай хлебов поступал в череду постоянного обмена между людьми, домашним скотом (часть масленичных куличей скармливалась домашним животным), птицами (им крошили часть жаворонков при закличках весны), после чего остатки вновь должны были вернуться в землю (после предварительного очищения — освящения под иконами или в церкви). — (М. Р.)

10—12 километров от хутора/. Любителям борзых охот дополнительные нагрузки... и уже снова подходит весна.

Из праздников мне особенно памятно празднование масленицы — праздника бога Ярилы. Разнаряженные девушки качаются и поют песни /яряются/. Шум, визг, смех.

Казаки находились в известной степени в привилегированном положении по сравнению с мужиками соседних центральных русских деревень. И, конечно, казак жил и лучше и шире, чем его сосед — мужик Тамбовской губернии. Упорный труд и там и тут были одинаковы. Но в то время как над душой мужика стояли кроме попа помещик и сборщик податей, здесь о помещике и сборщике податей знали лишь понаслышке. Казак был полным хозяином продуктов своего труда. И надо сказать, они были у него в великом изобилии. За исключением, может быть, небольшой по тому времени бедняцкой прослойки, чего только не было в кладовых у казачек! Яблоки моченые и су-



Обрядовое печенье гулушки (жаворонки)

Хутор Донской Азовского р-на Ростовской обл. 2011. Фото М.А. Рыбловой



шеные, моченые арбузы, соленые помидоры и огурцы, сливы, терен, сушеная вишня, капуста рубленая и капуста моченая в вилках. С осени, с первых морозов резались бараны, висевшие в холодных чуланчиках в свежем мороженном виде почти всю зиму. К рождеству и пасхе откармливались в «саду» свиньи и борова. С ярмарок завозились бочонки рыбы, сельдь, молосолка, огромные вязки тарани. Ко всему этому добавлялась добыча охоты и рыбной ловли. В заключение о хлебе. Казаки знали только пшеничные пироги. Тот, кто ел «хлеб», то есть ржаной хлеб, не считался и за человека. Тут было и вареное, и пареное, и соленое, и моченое. Что же было еще желать

35 Донские казаки топили печи дровами или кизячными плитами, которые делали из навоза. Для этого накопившийся в течение зимы на базах навоз вывозили весной на свободное место и складывали в кучи, дожидаясь, пока он «перегорит». Затем навоз размачивали (прямо на земле или в большом корыте), смешивали с мелкой соломенной резкой, утаптывали ногами. Из готовой массы с помощью деревянных форм изготавливали кизячные формы, которые затем складывали для просушки пирамидой. Иногда готовую массу разравнивали на земле, давали подсохнуть и нарубали плитки с помощью лопаты. Хорошо выделанный и просушенный кизяк был легким, быстро разгорался и вполне заменял дрова. — (М. Р.)

Казаки на галерее-гульбище

1870-е. Фото И. Болдырева. Архив РГО

моим тогдашним чубатым знакомцам! И с чего им было звереть! И в самом деле, добродушнее наших хоперских казаков, гостеприимнее и хлебосольнее я не видел людей. В те времена по крайней мере это было так. В их семейном быту господствовала строгая патриархальность. Глава семьи, старик, если ему было даже под сотню лет и у него были уже седые сыны и служилые внуки, вершил своевластно суд и право, что, конечно, не исключает отклонения от этого правила. Семейные законы были суровы. Бунтовщику-сыну грозило исключение /выгон/ из семьи без всякого имущества, а в некоторых случаях даже Сибирь. Старик мог поставить вопрос о таком сыне на сходе, и сход, строго блюдя законы старины, мог постановить: «За ослушание родительской воли в Сибирь на высылку». Но несмотря на такую суровость и, может быть, именно поэтому, в семьях казаков не было изуверства и дикого произвола. Я не наблюдал, чтобы отец жестоко избивал сына. А если и случалось отцу поднять руку, то так слегка шельжиной³⁶ или обрывком бичевы — разок-другой, скорей с досады, чем со злобы. В этом случае, конечно, сын не смел «отвести руки» и не только потому, что сын боялся Сибири, а в большинстве случаев в силу внутреннего уважения и преклонения перед священной волей родителя. Все подобные конфликты, доходившие до такой остроты, кончались, как правило, скорым миром. Вообще черты добродушия и незлобivosti положительно преобладали в казаках той поры. Такое впечатление у меня сохранилось и с более позднего возраста, когда я наезжал уже из Москвы в качестве студента Училища живописи, ваяния и зодчества, о чем речь будет идти ниже.

Из всего вышеописанного может иному придиричвому критику показаться, что я рисую слишком уж радужную картину. Во-первых, это мои детские впечатления; так я видел, так у меня запечатлелся этот быт тогдашних казаков, а во-вторых, видимо, так оно и было. Подавляющая масса казаков здорово жила. Если бы этого не было, то трудно было бы объяснить, почему, например, большинство казаков оказалось на стороне белых.

Были ли заботы у казака? Конечно, были. Служба, длившаяся в общей сложности двадцать лет, сильно донимала казаков и нередко даже их разоряла. Именно на этой почве выросла массовая казачья беднота к началу войны. Но тогда общий фон был именно таким, каким я его нарисовал.

Я уже говорил, что под влиянием Андреевых у меня с ранних лет развилась страсть к технике. Эта страсть чем дальше, тем пробуждалась сильнее. Рядом с техникой меня начало занимать и рисование как образное отражение этой техники. Ни в чем другом, как в этом я был страшно упрям и упорен. Я вообще по натуре был мальчиком спокойным, невозмутимым и упорным в достижении поставленных целей.

Все мои устремления сосредотачивались на изобретении и делании каких-нибудь деревянных сооружений и игрушек. Меня не тянуло ни на лазание по чужим огородам, чем увлекались мои сверстники, казачата, ни разорение вороньих гнезд. Я часами простаивал около колеса водяной мельницы, наблюдая за ритмическим поворачиванием этого колеса, вникая в его сущность как двигателя, стараясь прочно запечатлеть его составные части, чтобы соорудить его потом самому. Мне, видимо, был приятен даже самый шум воды. Белые кудряшки пены, кипевшие внизу за колесом, восхищали меня. При всем том я был страшно вспыльчив и горд. Подстегнутое гордостью, самолюбием, мое упорство не знало предела. Уже в то время у меня начало развиваться такое внутренне убеждение — «я все могу сделать». В одном только я был ленив и неповоротлив — в школьной учебе. Тут я не проявлял никакого энтузиазма. С трудом я переходил из класса в класс. Не шло это мне, не нравилось, не влекло меня к наукам. Я был слаб по всем предметам, за исключением чистописания. С чистописанием у меня дело обстояло блестяще.

Начал я учиться в Михайловской школе, ибо, как я уже писал, в хуторе Красном школы не было. Когда мне исполнилось 8 лет, меня отвезли к дяде Филиппу Семеновичу Машкову. Прожив у него с полгода, я перекочевал к бабушке Андреихе.

Станица меня всегда влекла к себе. Ехал я сюда с радостью. Станица с ее тогдашними базарными шумами, с большими крытыми железом домами, нередко каменными и даже двухэтажными, с лавками, в которых продавалась всякая всячина, начиная с железа, кончая изюмом, орехами и стручками, казалась чем-то вроде города. Тут и народ-то был какой-то особенный. Форменный мундир у учителей и почтовых чиновников, атаманы. Случалось видеть даже крахмалки³⁷ и воротнички. Страшно все это было интересно. Мундир почтмейстера нравился мне больше всех — он был с золочеными пуговицами и какими-то вензельными нашивками на плечах. Весной тут через озеро Яровское, между станцией и хутором Фортштадтским, ходил канатный паром. С толпой сверстников я любил наблюдать и слушать этот постоянный шум, гомон, стук парома о пристань, грохот бросаемых на деревянный настил балберок³⁸.

Этот первый год, в котором я начал приобщаться к школьной премудрости, был и началом развития моих общественных «воззрений». Конечно, это был период, так сказать, эмбриональный. Я начал только впитывать в себя всевозможные общественные взгляды и настроения, не отдавая еще в них себе никакого отчета. Конечно, основной питательной средой были мои родственники, у которых я жил попеременно: первое полугодие

36 Шельжина (шелужина) — хворостина, прут.

37 Скорее всего — накрахмаленные манишки, которые поддевались под пиджак. — (М. Р.)

38 Балберки — полавки рыболовной сети.

жил у дяди Филиппа Семеновича, вторую половину года у дяди Никиты Степановича.

Как уже было сказано, дядя Филипп Семенович был торговцем. Здесь в доме я наблюдал абсолютный порядок, чистоту, некоторую даже роскошь. Так, например, мягкий диван, на котором я спал, для меня был верхом блаженства по сравнению с полатами дяди Никиты. Конечно, в переднем углу зала была масса всевозможных икон. Но несмотря на внешнее благолепие, внутренний быт этой купеческой семьи поражал своей дикостью, некультурностью. Однажды у меня заболели зубы. Бабушка и тетя тут же нашли верный способ лечения. Меня заставили выйти в лунную ночь во двор, стать за углом сарая и, взирая из-за него на луну, 45 /сорок пять!/ раз прочитать «Отче наш». Я с усердием принялся лечить зубы по этому методу средневековых ведьм и колдуний. Вряд ли я мог выполнить точно условия подобного лечения. Прочитать «Отче наш» 45 раз не сбившись это было невероятно. Однако мне казалось, что я сделал все, что полагалось. Я молился страстно. Под конец уже кружилась голова, я едва держался на ногах. Конечно, зубы продолжали болеть.

В другой раз у меня случился запор прямой кишки. Я страдал три дня, перепробовали десятки всяких средств, но простого средства — клизмы — здесь не знали.

Помню еще и такой невероятный по своей дикости эпизод. Однажды меня будят среди ночи. Большим частым гребнем мне начинают чесать голову. Я ничего не понимал. Обалделыми сонными глазами глядел на бабушку и тетю: «Ищут вшей». Да, видимо так и есть. Я увидел на белом платке, разостланном перед моим носом, две пары копошащихся насекомых: пара крупных и пара совсем маленьких, еле видных вшанков. Тотчас же меня оставили в покое. Всю партию насекомых высыпали на кусок черного хлеба и куда-то понесли во двор. Заинтригованный всеми этими таинственными действиями, я вскочил и помаленьку двинулся [в]след. Бабушка с тетей шли в хлев, где находилась корова. При свете зажженной свечи я увидел: кусок хлеба со вшами дали корове и она его тотчас же проглотила. Возле коровы я увидел и дядю; он сидел на корточках над только что появившимся на свет теленком. Тогда я так ничего и не понял, но потом узнал, что всем отелившимся коровам надо давать хлеб со вшами для молочности. Такими средствами в те времена увеличивали удоимость коров³⁹. Меня, когда я узнал об этом, все это страшно поразило.

Вообще дом был полон мистики и колдовства. И наряду с этим... некоторое свободомыслие со стороны дяди. Сам он вряд ли был так религиозен, как его ближние. Однажды, сидя в лавке дяди, я слышал разговор на религиозные темы. Дядя потихоньку обмени-

вался мыслями с торговцем-соседом. Дядя Филипп Семенович всегда читал Библию. Он, видимо, интересовался религиозными вопросами и пытался их философски обобщать. Из всего их разговора я запомнил такое рассуждение дяди: «Если бог всемогущ и всемогущ, то почему же тогда все двери Сретенской церкви заперты на крепкие замки, значит бог не так уж силен». Затаившись за прилавком, боясь выдать себя даже дыханием, я невольно подслушивал. В мозгу моем возникали сомнения. В самом деле, почему же это так, ведь бог может покарать любого вора на месте преступления. Зачем же замки? Впрочем, и на этот вопрос у верующих всегда был готов ответ: «Бог попускает, бог испытывает». Такой ответ я получил от бабушки на этот и другие скользкие вопросы религиозного порядка. Но с тех пор — это было в 1890 году, я начал остро прислушиваться ко всем разговорам на эту тему. А недостатков в них не было. Религиозные вопросы рождались не только в среде торговцев, т.е. в сферах более или менее просвещенных, но они занимали также и темные низы. Дядя Никита, как уже сказано, был плотником и столяром. Он был человеком абсолютно неграмотным. Тут обстановка была, конечно, куда беднее. Питалась семья дяди тоже и хуже и грязнее. Спал я здесь уже не на мягком диванчике, а на полатях, как поросята, со своими двоюродными братьями и сестрами. Нам была разослана на всех одна полость⁴⁰, одеяла никакого не полагалось, так как там, под самым потолком единственной хаты, в которой жила большая семья, и без того дышать было нечем и мы купались в собственном поту. И при всем том, мне здесь действительно больше нравилось, чем у дяди Филиппа Семеновича. Но что могло быть интересного для ребенка в торговом деле. В лавке, особенно в будничные дни, торговцы и их приказчики сами щелкали семечки и мух ловили. На них нападала сонная дурь. Сидели они в ней с раннего утра до фонарей. Я с большой неохотой заходил в лавку к дяде и не любил сидеть в ней подолгу. Меня тянуло, конечно, больше на улицу или к дяде Никите. Дядя Никита тешет, делает зарубки, долбит, пилит, строгают, из под его рук появляются всякие интересные вещи — гладенько обструганные бруски, досочки, ножки, из которых он сооружает потом всевозможные предметы: столы, скамьи, табуретки, угольники, оконные рамы, всевозможные ящики. В этот период, когда я переселился к нему, он выполнял заказы для станичного правления и для церкви. Моя симпатия к дяде Никите была гораздо глубже, чем к дяде Филиппу Семеновичу. Здесь было больше простоты для меня, провинциала. Эта среда была более

39 Хлеб со вшами, по народным представлениям, помогал отелившейся корове избавиться от последа («опростаться местом»). С этой же целью в станице Михайловской использовали и другие способы: скармливали корове хлеб с солью или давали ей выпить 2 л сыты — соляного раствора (1 ст. ложка соли на 1 л воды). — (М. Р.)

40 Полость — валяное из овечьей шерсти большое покрывало, на котором спали или которое использовали как одеяло. — (М. Р.)

подходящей для меня, чем среда немного чопорного дяди-торговца. Дядю Никиту я без стеснения расспрашивал обо всем. Меня интересовало устройство мельниц — он говорил мне о мельницах. Я спрашивал, как делают иконы, он с усмешкой рассказывал мне о живописцах. Сначала живописец делает набросок мелом, а уж потом берется за краски. Помню, меня это особенно заинтересовало. Я попытался сам мелом начертить икону Николая Чудотворца. Оригианалом служила та самая икона, на которую когда-то сел отец, раздавив ее. Но красками я пользоваться еще не умел, да и не было их еще у меня, я не знал, где их достать и как сделать.

Дядя Никита тоже был большой охотник порассказать, пофилософствовать. Помню, он рассказывал, что ночью приезжали из Урюпинской полицейские начальники и забрали дочку попа и сына учителя. На мой недоуменный вопрос, почему их забрали, он ответил длинной и путанной философической речью. Он не отдавал себе полного и ясного отчета в этом событии, всколыхнувшем все общественное мнение столицы [в тексте опечатка — станицы]. Помню только, что он долго говорил о магических книгах. Поповна и сын учителя где-то учились. По его словам, они были народ мудреный. «Они все знают, — говорил он. — В ихних магических книгах обо всем прописано. Простому народу книги эти непонятные. Вот какое дело, милоч, они бога не признают».

Эти «магические» книги меня страшно интриговали. Я не спал целыми ночами: вот бы почитать. Чудились всякие чудеса, волшебства, тайны, недоступные простому смертному. Непризнание же бога меня будоражило больше всего. «Как же это так, — горело в мозгу, — как же это не признавать бога». Невольно приходили на память рассуждения дяди Филиппа Семеновича о замках Сретенской церкви. Все в голове путалось, мешалось.

В Михайловской я проучился только один год. На следующий год я попал в Сычевскую школу, ибо мои родители переехали, как я уже говорил, в хутор Сычевский, лежавший выше по речке Косарке, в верстах пяти от хутора Красного. Переезд этот вызван был, видимо, тем обстоятельством, что мы подрастали /к этому времени нас было 5 душ детей/, нас надо было делать грамотными, а в Красном школы не было. Вторая причина была связана с деятельностью матери. Моя мать Настасья Степановна была женщина бойкая, деловая и предприимчивая. В глухом хуторе она сразу же, видимо, стала заметной фигурой в женской среде. К тому же она начала помаленьку учиться женскому шитью и очень скоро овладела этим искусством настолько, что начала шить сначала близким соседям, а потом о ней узнал и весь хутор. Ее работа была вызвана, конечно, не жаждой какой-нибудь деятельности, какой страдали какие-нибудь интеллигентные барыньки того времени, и уж во всяком случае не скукой. Когда ровно через полтора года в се-

мье регулярно появляются новые члены, которых надо кормить, одевать, обувать, скучать некогда. Отец получал жалование в год 100 руб. при бесплатной квартире. Трудно сказать, велики ли были побочные доходы и были ли они вообще, — одно было ясно, что жить с оравой в 3—4—5 душ на отцов заработок было нелегко, даже принимая во внимание тогдашнюю баснословную дешевизну продуктов. И, конечно, работа матери была вызвана только этим — желанием облегчить жизнь семьи и сделать ее более достойной. Но постепенно эта работа начала принимать несколько смешанный характер. Надо было, например, снарядить к венцу невесту. Обращались к Настасье Степановне за советом и помощью. Брали ее для закупок материалов как специалиста, имеющего некоторый вкус. Ездила она в Михайловскую, Урюпинскую и даже в Борисоглебск. Таким образом, она становилась не только швеей, но и чем-то вроде заказчика. Михайловские, даже и урюпинские купцы начали «ухаживать» за Настасьей Степановной, ее наконец стали просто снабжать в кредит мануфактурой. С течением времени Настасья Степановна превратилась в исполнителя заказов из своего материала. И, наконец, она стала даже потихоньку продавать мануфактуру. Это было уже что-то вроде контрабандной торговли. И вот видимо, задумала мать открыть лавочку, а для этого надо было переехать в более шумное место. Таким местом был избран хутор Сычевский. Хозяин отца Климов согласился перевести его туда. В хуторе Сычевском уже давно существовало его же питейное заведение.

Надо иметь в виду, что в те времена торговая деятельность не была таким позорным делом, как кажется нам теперь. Торговец был почтенный человек, какими бы тяжками не добился он своего положения. Мудрено ли, что мои родители возмечтали о собственной лавочке. Да и за образцом-то ходить было, кстати, недалеко.

И вот я попал в Сычи, как попросту звали этот хутор.

Сычи были крупнее и культурнее Красного. Кабак не был здесь единственным «культурным» центром, как в Красном. Тут были церковь и даже школа. Хутор выглядел совсем иным. Он был даже порядком распланирован. В его центре была площадь, на которой и сосредотачивались все «общественные» учреждения тех времен: церковь, кабак, школа. Плюс к этому несколько штук торговых лавок. Все это создавало впечатление большой культурности. Шутка ли, тут были два попа, дьякон, два псаломщика, учитель, торговцы, ремесленники! Целый круг «интеллигенции» в кавычках и без кавычек. Тут я впервые увидел и услышал гитару. Как мои родители, так и я сразу же включились в этот «круг». Теперь моими сверстниками, друзьями были не только казачата, но и дети попов, торговцев, ремесленников — народ бойкий и смелый. Жизнь стала куда свободнее, шире и интереснее, чем в Красном и даже в Михайловской, где кроме дяди Никиты и семьи дяди Филиппа Семеновича я почти нигде не бывал за исключением улицы.



41 Круглыми домами верховые казаки называли большие квадратной формы жилища под четырехскатной («круглой») крышей. Этот тип жилища стал распространяться в северных округах Области Войска Донского со второй половины XIX в. Строили такие дома зажиточные казаки и богатые иногородние. Круглый дом появился в результате развития дома-пятистенка. В законченном виде он представлял собой большой сруб, разделенный двумя пересекающимися капитальными стенами на четыре помещения: хату, горницу, спальню и чулан. Название «круглый» такой дом получил потому, что имел круговое соединение комнат: выйдя из «чулана» в «хату» с одной стороны, можно было войти в него с другой, обойдя подряд все помещения. Размер дома составлял 7×7 или 8×8 аршин (1 аршин = 0,7112 м). — (М. Р.)

Учился я по-прежнему плохо. По-прежнему мне давалось лишь чистописание, по-прежнему меня влекло ко всяким техническим вещам и поделкам. Именно в этот период я сам выточил модель ветряной мельницы со всем ее механизмом; пробовал я ее выставлять и на ветер. Но, увы, опыты не увенчались успехом.

Между тем нашу семью постигло большое несчастье. Тотчас же по переезде в Сычи родители начали подготавливать почву для открытия лавки. Уже на другой год после переезда в станице была продана хата бабушки, как сейчас помню, — за 90 рублей и куплен был сруб. Стали делать круглый дом⁴¹, часть которого должна была пойти под торговое помещение. Беспатентная торговля матери, видимо, расширилась к этому времени сильно. Я помню, было 3 сундука, наполненных мануфактурой. В разгар стройки сундуки эти стояли на погребе. Вспыхнувший неизвестно отчего пожар уничтожил почти отстро-

енный дом и весь двор, в том числе и погреб, где стояли эти сундуки.

Мы очутились под открытым небом. Ко всему тому на матери был большой долг за взятую в кредит мануфактуру. Все, что было накоплено, ушло на стройку, — нищие и к тому же в долговой кабале. Вот каково было положение. Жалования отца теперь, когда в семье было 7 душ и ожидалось появление новой, восьмой, души, конечно, хватать не могло. А ко всему надо было еще выплачивать и долги, ибо Москва слезам не верит, а кредитор и подавно. Родители были в страшном отчаянии. Но... им на помощь пришло население. Я не один раз видел ездивших по хуторам мужиков из соседней губернии, собиравших «на погорелое»; я видел, с какой чуткостью казачье население отзывалось в таких случаях на горе и несчастье, казалось, чуждых ему пришельцев. И вот теперь население Сычевского, Красноярского хуторов, руководимое вот этим чувством помочь пострадавшим чем кто может, само по собственной

Круглый дом с низами

Станица Еланская. 2009. Личный архив М.А. Рыбловой

инициативе повезло кто пуд пшеницы, кто меру картофеля, кто пару-другую слег — бревен старого леса, кто плетень... Кое-кто ссудили Настасье Степановне 10—23—30 рублей денег. Мою мать любили не только за ее коммерческую, швейную деятельность, но и за отзывчивость и ласку, а ко всему тому еще и за врачебную помощь. Я уже говорил, что в те времена даже в семье моего дяди, торговца Филиппа Семеновича, лечили главным образом «заговором». Легко представить себе положение с этим делом в глухих хуторах. Но к чести моей матери — она лечила не заговором и не колдовством. Не знаю от кого — частично, может быть, от дяди Василя Семеновича, который был военным фельдшером, она получила элементарные методы распознавания и лечения болезней. В особенности удачно лечила она всякие вывихи и сломы костей. Знала она, видимо, врачебное значение многих трав. Во всяком случае в ее врачебной помощи не было ничего знахарского. Легко представить, как велик был авторитет в хуторах, где она жила. Я утверждаю положительно: и казаки и казачки любили Настасью Степановну. Она была невидимыми, но крепкими нитями связана с казачьим населением вследствие вот этой своей способности быть ему полезной не так, так этак, вследствие своей разнообразной деятельности.

Ободренные помощью населения — характерно, что никто из собратий-торговцев и не подумал хоть чем-нибудь помочь попавшим в беду людям, наоборот, может быть, они даже радовались уничтожению будущего конкурента, — ободренные этой помощью отец и мать снова принялись за самую кипучую деятельность. Я помню, что мать, оглушенная свалившимся на ее голову несчастьем, быстро оправилась, я не помню даже, чтобы у нее были на глазах слезы. В ее поведении в эти дни было что-то мужское, твердое. Принялись опять за стройку. Куплен был пятистенок⁴². Из него, плюс старая обгорелая хата, плюс привезенный хуторянами лес, начали снова строить дом. На месте



42 Пятистенок — тип жилища, распространенный в XIX — начале XX в. преимущественно у донских верховых казаков, он считался более комфортным, чем хата с чуланом. Основная конструктивная особенность пятистенка заключалась в том, что сруб делился капитальной стеной (то есть рубленной одновременно со всем срубом) на две части: хату и горницу. К срубам пристраивали чулан с выгороженной досками комнаткой. — (М. Р.)

Пятистенок

Станица Тишанская. 2009. Фото М.А. Рыбловой

обгорелой хаты очень скоро появились стены нового строения. Дом оказался даже больше того, что проектировали раньше. Как в сооружении дома, так и в огороже многие из знакомых матери и отцу казаков принимали участие помимо всего прочего еще и своим трудом.

Этот год был последним годом моего школьного учения. Помню, житие после пожара стало плоховатое. Отца и мать все время беспокоили долги — долги старые товарные, и долги новые, образовавшиеся в связи с пожаром. Лавочку все-таки открыли. Но это была не так широкая мануфактурная торговля, о которой, может быть, мечтали мать и отец. Торговали всякой мелочью. Помню, в этой нашей лавочке продавались кисеты, сшитые рукою матери из обгорелых клочков мануфактуры.

Мне шел 11-й год. Именно в этом году я начал увлекаться рисованием. У меня возникло чувство соревнования. Я видел: мой сверстник, сын соседа-торговца, рисует лошадь с всадником; у всадника в руках пистолет. Я поражаюсь, как это ловко получается. Тогда я, придя домой, начинал тоже рисовать. Я старался при этом рисовать лучше его. Сын попа умел хорошо сводить картинки. Начинать сводить и я. И основное чувство, которым я руководствовался при этом, было желание превзойти своего учителя. Этот дух у меня сохранился и потом. Немало способствовал развитию во мне способностей к рисованию мой сычевский учитель...

Он сам любил рисование и увлекался им. И несмотря на мои больше, чем посредственные успехи в школьных науках, он ко мне благоволил именно вследствие того, что обнаружил во мне эту склонность. Началось это так. Будучи хорошим знакомым моим родителям, он задумал нарисовать две иконы: икону Святого Иоанна и икону святой Анастасии. И в довершение всего однажды принес написанную им икону пророка Ильи. Я смотрел и не верил, как это он мог так изобразить! Иконописцы всегда были в моем представлении людьми священными. Я и подумать не смел, что «лик божественный» может нарисовать простой смертный. Оказалось это вполне возможным. Любопытно, страшно любопытно! А что если попробовать скопировать? У меня в это время начали водиться деньжонки. Мне дарили приезжие, знакомые, иногда отец и мать дадут 5—10 копеек. И на эти деньги я начал покупать фуксину, так назывались анилиновые краски. Начав с копирования иконы, я перешел к фантазии. Больше всего эти фантазии носили архитектурный характер на церковные темы. У меня скопилась масса таких рисунков. Тут были всевозможные, какие только я мог придумать, типы церквей. Так же богато были представлены в этой моей первой коллекции, к несчастью не сохранившейся, копии с картинок из журнала «Нива». Я рисовал с большой отчетливостью. Я тщательно вычерчивал и выписывал детали картины. И на это уходило все время, которое я должен был посвятить, скажем, закону божию. Рисование, копи-

рование, сведение картинок, стало моей второй страстью после техники. Все это было для меня и легче и доступнее евангельских премудростей, не говоря уже о математике. Кстати, закон божий давал уже тогда для моего ума и для ума некоторых моих сверстников по школе много пищи для недоразумений. Я не помню, как и при каких обстоятельствах, но у нас возник такой вопрос: как же это Ной имел только трех сыновей, все остальные люди «потопли», на ком же они женились, когда вышли из ковчега и как снова мог расплодиться народ. Это было в третьем классе. Мы уже, видимо, достаточно понимали, что без женщин население расти не может. Это нас сильно волновало. Тогда мы попробовали поставить этот вопрос законоучителю — одному из священников Сычевской церкви. Отец Александр хватил смельчака, который задал этот вопрос, квадратиком [нрзб.] по голове. Это был, видимо, единственный ответ, который он мог дать пытливому уму мальчика. Значит об этом спрашивать нельзя? Мы разинули от удивления и страха рты... Значит это тайна божия? Продолжая обсуждать этот вопрос подпольно, мы, конечно, и подумать не посмели, что тайна эта есть простое и грубое надувательство. Однако сомнения мои получили видимо новый толчок. Я никогда не обнаруживал в себе большой религиозности, хотя под влиянием родителей церковь посещал аккуратно.

С грехом пополам, благодаря благожелательному отношению ко мне учителя, которому мои «художества» не могли не импонировать, я весной 1892 г. школу окончил. Родители мои, видимо, [нрзб.] давно ломали голову — к чему определить мальчонку?

Учить? Но, как видит читатель, к учению у меня не было положительно никаких способностей. Я меньше всего, конечно, задумывался над своей судьбой. Я беспечно бегал по хутору или строил очередную машину из дерева или рисовал. Форменная куртка гимназиста меня, с одной стороны, очень привлекала, но, с другой стороны, я не мог преодолеть в себе лени там, где дело касалось положительных наук. Но были более серьезные преграды на пути к гимназической куртке. Если я не ошибаюсь, именно в этом 1892 г. была объявлена винная монополия и все частные кабаки были закрыты⁴³. Отец потерял место, которое с грехом пополам вместе с лавчонкой кормило всех нас. И конечно, теперь ни о какой гимназии думать не приходилось.

Целое лето я наслаждался абсолютной свободой. Родители промышляли случайными делами. Они занимались мелкой арендой садов /исключительно своими силами/, ездили на ярмарки с походной «гостиницей» — попросту с харчевней. Причем для поездки с харчевней организовался коллектив, в складчину, на паях из среды ближайших родственников и знакомых, человек 10—12. Я, разумеется, был одним

43 Машков ошибается. Казенная винная монополия была введена С.Ю. Витте в 1896 г. Она означала исключительное право государства на производство и сбыт спиртных напитков, распространялась на очистку спирта и торговлю крепкими спиртными напитками (водкой). Все прочие спиртные напитки производились и продавались свободно, но были обложены акцизом. — (О. С.)

из главных членов этого коллектива. Торжественно восседал я на гудах всякой «небели»⁴⁴, которую медленно тащили лошади или быки. Мне было весело и хорошо. Такое разнообразие жизни и все эти путешествия не могли меня не волновать. Едешь, бывало... кругом зелень, хлеба... самые разнообразные сочетания красок и тонов уже тогда, может быть, полубессознательно зажигали мой взор жаждой проникнуть в таинство их переливов, переходов одного цвета в другой. В одну из этих поездок в Филонов неожиданно для меня моя свобода внезапно кончилась. Но об этом несколько позже.

Живя в этот период почти все время в хуторе Сычевском, я безотчетно впитывал в себя всю окружающую среду, весь казацкий быт и все их торжественные ритуалы. На основе обильной плодами труда сытой, полнокровной жизни, на основе отравленных специфическим военным патриотизмом казачьих мозгов, пышно расцветал военно-патриархальный общественный уклад казаков. Множество религиозных праздников. Обилие праздников царских, которым придавался здесь особо торжественный, политический характер и которые проводились со всякими церемониями и богослужениями на площади. Пасха, рождество, крещение, спасы... Царские дни⁴⁵... Поднятие хоругвей, торжественные звоны колоколов. Водосвятие... Невероятная парадность. Флаги... Все это, отравляя сознание величием и непосредственностью бога и царя и их присных, а также вообще всякого начальства, вместе с тем представляло для нас, подростков, великое веселие и радость и массу развлечений. Зимой и летом, осенью и весной случись только какое-нибудь подобное зрелище — я и мои сверстники уж, конечно, были на своем месте, невзирая ни на какие климатические условия. Да и надо сказать, что климат на моей родине благодатный. Хоперский округ — это центр умеренной зоны. Летом много тепла, много солнца... Сухо, но не знойно. Осень — сентябрь—октябрь — замечательная: приятная, немного прохладная, перемежаемая редкими дождями, солнечная. Зима ровная, снежная. Большие морозы бывают редко. О весне и говорить не приходится. И при всем этом широчайший степной простор. Глаза ничего не теснит и не давит. Кажется, и небо и земля любовно опекают этот благодатный край, и жизненные соки земли любовно поднимаются к людям: пейте, насыщайтесь, пользуйтесь, видя обилие плодов земных. Конечно, здесь, как и везде, ничто не дается без труда, труда подчас упорного и настойчивого. За последние десятилетия земля обессилила от хищнической трехпольной системы⁴⁶, и конечно, сейчас колхозам предстоит большая работа — вернуть земле ее плодородность. Но тогда хоперский чернозем был еще полнокровен, земли было на душу /на пай/ в два раза больше и труд хорошо оплачивался почвой.

Выше я говорил о казацком военном и сословном патриотизме, но я не наблюдал в те времена какого-либо звериного шовинизма в отно-



шении казаков к мужикам. Было у них, конечно, такое чувство собственного превосходства, в котором было больше добродушия, чем заносчивости. Подвыпив, казак, стукнув кулаком мог выразиться: «Эх, мать, размать! Чуш-братуш, мы ж казаки... Царь наш, и вся земля наша. Нам начхать на все басурманское войско... Наш казак Ермак всю Сибирь завоевал»... Одним словом: «С англичанкой воевал и поляков укрощал», как говорится в одной казацкой песне. Чего здесь больше хвастливого добродушия или добродушного хвастовства или непонимание того, что ничего похвального в «укрощении» поляков нет. Людям с детства, с пеленок вдалбливали в мозги при помощи целого ряда тонко отравляющих сознание церемоний, ритуалов, при помощи воздействия на человеческое тщеславие, при помощи обо-

44 «Небели» — от искаженного слова «мебель».

45 Царские дни — крупные религиозные праздники.

46 Трехпольная система — система земледелия, при которой поле делилось на три части: одна предназначалась под посев яровых, вторая — под озимь, третья оставалась под паром (не засеивалась). В конце XIX в. такая система считалась устаревшей и малоэффективной, так как одна треть земли не использовалась, а две другие быстро истощались. На смену трехполью пришла многопольная система. — (М. Р.)

Выезд в поле

1870-е. Фото И. Болдырева. Архив РГО

собления их в особое, привилегированное среди крестьян-мужиков словие, что казак — это образец бесстрашия, доблести, повиновения богу, царю, начальству и родителю. Этот взрослый бородатый ребенок с затуманенной головой бубнил: «Чуш-братуш, мы ж казаки-ермаки...»

Как уже сказано, в 1892 г. отец остался без работы. Я не могу точно сказать, было ли это связано с введением водочной монополии. Может, была и другая причина. В связи с этим родители начали метаться в поисках заработка. Положение обострилось еще и потому, что годы — 1892—93 — были голодными годами. «Голодными» их можно считать здесь, конечно, условно. У станичного правления всегда были большие запасы зерна. Хранились эти запасы в больших длинных красных амбарах, называвшихся почему-то «гамазиями»⁴⁷. Все, кто не имел хлеба, брали здесь хлеб в кредит. Большинство же казаков имело двух-трехгодичные запасы хлеба и в кредите не нуждались. Ощущения голода в хуторах не чувствовалось. Однако это и не был обычный недород. Все-таки большие массы казацких низов вынуждены были обращаться за хлебом в эти «гамазии».

Я помню, отец тоже привез воз с хлебом из станичных амбаров. Это лишний раз доказывает, что жили мы в эти годы плохо, но лично я голода не замечал и не ощущал.

Какие были у меня в эти послешкольные дни настроения, устремления и думы? Конечно, хотелось куда-то определиться. Но куда? Учиться не было никакой возможности. Если бы была такая возможность, то, несмотря на мои скверные успехи в учении, меня, конечно, отдали бы в гимназию. Мало ли тогда училось в гимназии богатых «дуботолпов». И вот однажды мы были с «гостиницей» в Филоново на ярмарке. И когда ярмарка кончилась и я собирался домой, мне сказали, что я останусь мальчиком во фруктовой лавочке армянина Сумбатьянца⁴⁸. И я стал отныне «неволь-



47 Гамазин (гамазея) — амбар (магазин) для общественной засыпки зерна. Их сооружали всей казачьей общиной на случай форсмажорных ситуаций (засух, недородов и пр.). Каждый казак обязан был ежегодно засыпать в общественный амбар 6 гарнцев ржи (1 гарнец равен четверти ведра, или 3,28 л) или пшеницы и 4 гарнца овса или ячменя. Сбор хлеба в общественный запас производился один раз в год сразу по окончании полевых работ. — (М. Р.)

48 В низовых станицах проживание представителей иных национальностей было распространенным явлением, в верховых встречалось гораздо реже. В любом случае, «инородцы» жили в казачьих станицах на правах иногородних, в казачьем сословии не состояли. — (М. Р.)

Гамазин

Станица Луковская. 2009. Фото М.А. Рыбловой

ником»... до 19-летнего возраста, когда случай помог мне выбраться из подвалов на свежий возраст [*в тексте опечатка — воздух*].

У Сумбатьянца я пробыл всего 6 месяцев. Мне от него полагалось только питание. И за кусок хлеба я должен был испытывать всю ту неволю и все те страхи, которые вдруг свалились на плечи двенадцатилетнего мальчика, не имевшего даже понятия, что значит жить «в людях» на положении «лентяя» и «дармоеда». У Сумбатьянца был очень тяжелый характер. Он вечно бранился с женой /у него была «гражданская» жена, т.е. невенчанная, казачка/, рычал на всех и вся, топал ногами, бил посуду... Однажды в порыве ярости он саданул себя вилкой в бок, но, видимо, не очень серьезно. Временами мне казалось, что он убьет всех нас, в том числе и меня. И я весь трепетал от страха, хотя старший приказчик /старичок/ и успокаивал в таких случаях меня: это-де у него «карактер чижолый». И больше ничего. У Сумбатьянца кроме жены была лишь одна дочка. Девочке было лет 6—7. Она была необыкновенной красоты, и мне было приятно развлекать ее в свободные часы. Но вдруг появлялся Сумбатьянец, в доме начинался шум, грохот, дикое рычание, и вся идиллия разлеталась. Меня Сумбатьянец явно недолюбливал. Будучи, видимо, хорошим знакомым моим родителям он насилия надо мной не чинил никакого, но моя нерасторопность и невыполнительность не раз приводили его в ярость, и он глядел на меня ужасным черным взглядом, как удав на попавшую в его клетку мышь. Ноги у меня в эти минуты буквально тряслись, и я глядел ему в глаза, как замороженный. Хлопнув дверью, он уходил прорыва проклятия — большой черный, усатый, разъяренный.

Торговая отрасль меня решительно не устраивала; она мне нисколько не улыбалась; я имел стремление к ремеслу; мне хотелось стать столяром, как дядя Никита; я мечтал сделать гитару. Этим, видимо, и объясняется вся моя нерасторопливость.

В декабре 1892 г. мать взяла меня от Сумбатьянца. Она повезла меня в Борисоглебск и определила мальчиком же к купцу Юрьеву — крупнейшему купцу и промышленнику, по Борисоглебску имевшему 4 магазина и 2 завода⁴⁹. Помимо питания и жилья мне было определено 30 рублей жалования в год, на которые я мог обуваться и одеваться. Именно этим последним соображением, видимо, и руководствовалась мать при моей «переброске».

Впервые я увидел «настоящий» город и городскую жизнь. Железная дорога, масса магазинов, мощные в центре улицы и площадь... Публика совсем иная,

чем в хуторе и даже в станице, — образованная, помпезная, высокая в моем представлении. Тут уже не выются через плетень на улицу, как в хуторе Сычевском, с ветви тыквы, тут уже стоят городские — такие

⁴⁹ В справочнике «Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации» (Адрес-календарь Российской империи. Т. I. 1899) упоминается Юрьев Матвей Евстафьевич, имевший в г. Борисоглебске Тамбовской губернии маслобойное и мыловаренное производства. Кроме того, М.Е. Юрьев владел винным магазином и магазином колониальных товаров.

представительные усатые дяди, которые в моих глазах были генералами. Тут двухэтажные, крытые железом дома; постоянное движение людей, подвод, груженных товарами, извозчичьих пролеток, а иногда пропылит на прекрасной парке, запряженной в изящную карету, какой-нибудь крупный барин, перед которым ломают картузы все наиизвестнейшие городские тузы, не говоря уж о всякой приказчиьей челяди.

До 28 февраля 1900 года — 7 с лишним лет — потянулись довольно однообразные для меня по своему содержанию дни. Изю дня в день с 7 утра до 9 вечера надо было стоять на ногах. 14 часов!.. Если даже и была свободная минута, то все равно до исполнения 19 лет сидеть тебе не полагалось. А едва раздастся какой-нибудь окрик со стороны старшего, а «старших» было много — почти все служащие, — как ты должен, сорвавшись с места, нестись на этот крик, ожидая при этом грязного ругательства, издевки, насмешки, издевательства за нерасторопность, за непонятливость, за «ротозейство». Темпы труда были молниеносные. Подошел к старшему — руки держи по швам, навьтяжку, смотри в глаза с выражением почтения, подобострастия и беспрекословного повиновения. За всякую нерасторопность и несообразительность моментально выбрасывали вон. Почиталось даже полезным к мальчикам с 12 до 20 лет практиковать рукоприкладство, обзывание самыми гнусными, бранными выражениями, кличками и словами. Тебя старались при этом уязвить в самое больное место, оскорбить, обрызгать слюною холопского высокомерного чванства. Благо попал в руки — не вырвешься и не пожалуешься. Да и кому жаловаться! Холопы хозяина, его челядинцы старались особенно. «Сам» Юрьев лишь показывался изредка в своих магазинах и предприятиях и потому мы, «мальчики», находились в распоряжении этих людей с хищными, звероподобными лицами и низкими душами, которые у них закоржели в те времена, когда их били вот так же и когда над ними вот так же измывались их старшие, как над нами, во времена, когда они сами были «мальчиками».

Здесь приучали к сплошной и абсолютной угодливости и чинопочтению, здесь старались стереть в тебе все остатки твоего человеческого достоинства. Начиная от приказчика и кончая «мальчиком», все в магазине должны были быть перед покупателем учтивыми, подобострастно изгибающимися. На лице твоем должна была вечно сиять угодливо-подобострастная улыбка. Покупатель здесь для тебя был богом, на которого ты должен был молиться, которому ты должен был чуть ли не целовать башмак, как римскому папе, хотя бы это и была всего-навсего кухарка какой-нибудь отставной чиновницы или барыньки.

Я все это ненавижу.

Быт торговых служащих в те времена, на мой взгляд, был гораздо ужаснее, чем быт производственных рабочих. На фабрике — коллек-

тив, организованный одним чувством к хозяину, коллектив, способный защищаться и даже нападать; здесь люди, разделенные ступеньками друг от друга, готовы были пожирать друг друга за хвост, как змеи. Отсюда непревзойденное холопство перед хозяином и покупателем, отсюда хамское отношение к нижестоящим и особенно к «мальчишкам». Да, фабричные рабочие и не только морально стояли выше торговых служащих; на большинстве предприятий в эти годы существовал 12-часовой рабочий день, у нас же — 14 часов. И никаких выходных! Лишь на пасху мы получали 2 дня и на рождество 1 день. Легко представить, какой это каторжный и морально нечистоплотный труд.

Что меня спасало и спасло от нравственного и морального растления? Любовь к изобретательству, к технике и все более и более возрастающая во мне страсть к рисованию. Разумеется, все это рассматривалось как никчемность. Люди привыкли тянуть лямку; муж жену мог видеть только дважды: утром до ухода на службу и ночью, придя с нее; ребенок почти никогда не видел отца в течение целого года; перспектива высокооплачиваемой торговой работы улыбалась только немногим счастливицам — сиречь только самым угодливым подлецам. Очень немногие, уйдя от хозяина, могли стать сами хозяевами — буквально считанные единицы, да и то со скандалом, с воровством, с жульническим концом. /Что, впрочем, не считалось особенно зазорным — ведь воровал-то вор у вора/. Подавляющее большинство «мальчиков» и приказчиков никакой перспективы не имело. И тем не менее обстановка засасывала настолько, что всякая попытка или даже одна мысль выйти за рамки этой абсолютной бесперспективности встречалась жутким хохотом, воем, издевательством. А я всем существом рвался из этой душной, мерзкой обстановки. Она меня душила; ее смрад преследовал меня повсюду, даже во сне. Я был внутренне очень самолюбив и горд, а мою гордость бесцеремонно топтал всякий, кому было не лень. Грязным сапогом наступали мне на душу, и если я не орал диким голосом, то только потому, что деться было некуда. На одну мою жалобу матери, та ответила мне: «Придешь домой, отдам в пастухи или в работники, будешь дыкам [в тексте опечатка — быкам] хвосты крутить». «Верчение хвостов» меня привлекало еще меньше. А между тем, моральные страдания по мере того как я рос, превращаясь из подростка в юношу, все увеличивались. Я был внизу человеческой жизни. Вся окружающая меня городская среда: купцы /солонники/, военные, чиновники, учительство, техники, служащие учреждений — все это для меня было «высшим светом». Я и сметь не мог попасть в это общество, а попасть хотелось безусловно. Особенно остро ощущал я разницу между собой и учащейся молодежью — гимназистами, реалистами и т.д.; эти молодые люди в форменных мундирах и пальто с серебряными и золотыми пуговицами были этажом выше. Я и они — это были две параллельные линии, которые сойтись никак не могут.

Было дико, странно, непонятно... как это так? Стоит дочери приказчика поступить в гимназию и надеть форменное бордовое шерстяное платье с черным передничком, как она становилась сразу же недоступной принцессой для товарища своего отца — молодого приказчика. Нельзя было и думать подойти к ней на проспекте и заговорить. Тут была целая пропасть. Хоть отец у нее и холоп и халуй, но она уже, извините, знает два слова по-«хранцузски». Все мое достоинство — а сознание своего достоинства, рано развившееся во мне, было самою большою болью — во мне возмущалось. И вот это сознание своего достоинства и сознание того, что мое достоинство с достоинством гимназиста и гимназистки — вещи несовместимые, резко разграниченные, разделенные целою пропастью общественных предрассудков, — это настраивало меня враждебно к учащейся молодежи. Испытывая, ощущая гигантскую разницу между собой и ею, я ее ненавидел и вместе с другими себе подобными учениками, подмастерьями награждал презрительными кличками.

У меня было стремление неясное, неопределенное к чему-то более сложному и волнующему, к какой-то живой деятельности. А вместо этого у меня было ежедневно 10 пар сапог для чистки, самовар, чистка и подметание помещений и 14 часов в сутки побегушек. При своем неумении и неспособностях к торговому делу я не мог рассчитывать даже на положение хорошо оплачиваемого служащего. Вот доказательство: к концу моей работы /службы!/ у Юрьева мои сверстники, поступившие со мной одновременно, получали уже 120 руб. годового жалования, а я только 70 /семьдесят/.

Я все это ненавидел.

На шестнадцатом году я особенно ярко обнаружил в себе тягу к живописи. Новый толчок к этому я получил от случайного знакомства с одним гимназистом, сыном директора банка, любителем рисования, хотя я занимался этим и до встречи с ним. Конечно, мои занятия таким никчемным, несовместимым с моим положением делом могли проходить только конспиративно, подпольно /«Узнают — хуже будет»/. Кашлянуть было нельзя! Поздно вечером или рано утром до обедни в воскресный день — посещение обедни было обязательным — я прилаживался где-нибудь в уголке с лампешкой и выводил... Сначала пользовался только анилиновыми красками. Подолгу простаивал я около витрины одного магазина, где выставлена была картина «Зима», написанная от руки местным и, конечно, неважным художником. Но тогда эта картина была в моих глазах верхом искусства. Страшно хотелось изобразить что-нибудь подобное. Но кругом была мерзевшая неволя; краски приходилось покупать тайком, чтобы кто из своих служащих — «боже упаси» — не увидел... А для такой картины нужны были масляные краски, о которых я еще и понятия не имел. Знакомство с сыном директора банка помогло мне преодолеть этот барьер. Он

научил меня, как достать тех красок, какими пишут на холсте. По газетному объявлению я выписал наконец, конечно тоже украдкой, ящик масляных красок. Деньги у меня были, ведь меня кроме этого ничто не интересовало за исключением еще музыки. За все время жизни здесь я купил себе трехрядную гармонь за 24 рубля, остальные деньги я откладывал, будучи очень бережливым. Эти-то деньги я и стал расходовать на выписку масляных красок. Работа закипела — тайная, всеми преследуемая работа.

Как раз в это время в семье нашей, жившей очень неважно, произошло новое большое несчастье. В 1896 году отец простудился и умер, оставив на руках у матери, помимо меня, 8 душ детей⁵⁰. Единственным обеспечением этой оравы была все та же маленькая лавчонка с товаром на 150—200 руб. Отец, когда был жив, кое-что зарабатывал на стороне, теперь запахло доеданием последнего. И мать принимает героическое решение — она выходит замуж за почтаря. Да не подумает кто-нибудь, что «почтарь» — это должность высокая. У нас почтарями звали кучеров почтарской службы, являвшихся ничем иным, как разновидностью батрацкого труда. Василий Осипович Гриднев — мой вотчим, был ко всему прочему человеком совершенно неграмотным. Особого облегчения в жизни он вряд ли мог представить матери. Но тем не менее на него можно было опереться как на мужчину. Конечно, от хорошей жизни вряд ли она вступила бы в этот брак при наличии такой массы детворы. Во всяком случае мать, видимо, видела в этом для себя и для детей нечто зазорное; она долго скрывала от меня этот брак. Не получив сколько-нибудь серьезной помощи от мужа-батрака, мать энергично борется за существование детей, продолжает заниматься съемкой садов и т.п.

Смерть отца совершенно не повлияла на мое положение; она не нарушила ни моей «самостоятельности», ни течения моих нравственных и физических пыток. А пытки эти порой доходили до диких размеров — я боялся всех и вся, упорно продолжая свою подпольную работу. У меня за годы скопилось множество живописной продукции, главным образом копий с каких-нибудь найденных в журналах картин. Но всех больше боялся я одного мерзавца из среды старших служащих, который буквально терроризировал меня. Был такой случай. При заправке и прочистке больших ламп «молний» у меня лопнуло стекло. Заметив это, этот негодяй подошел ко мне, молча взял из моих рук поврежденное стекло и, мельком оглядев его, изо всей силы ударил меня им по лицу. На другой день, когда я вышел на работу, все лицо мое было в кровавых ссадинах. Мне пришлось объяснить, что это-де, меня оцарапала кошка.

50 Мы располагаем сведениями о восьми родных братьях и сестрах И.И. Машкова: об Анне (1883 г.р.) (ГАВО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 30. Л. 6 об., 7); Дарье (1885 г.р.) (ГАВО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 32. Л. 13 об., 14); Евдокии (1887 г.р.) (ГАВО. Ф. 338. Оп. 9. Д. 23 об. 9); Евгении (1888 г.р.) (ГАВО. Ф. 338. Оп. 9. Д. 25. Л. 61 об., 62); Марии (1891 г.р.) (ГАВО. Ф. 338. Оп. 9. Д. 31 об. 11); Павле (1893 г.р.) (ГАВО. Ф. 338. Оп. 9. Д. 35. Л. 12 об., 13); Иоанне (1894 г.р.) (ГАВО. Ф. 338. Оп. 9. Д. 37. Л. 62 об., 63).

-1895 ✓

Но я рос — рос и нравственно и физически, я становился рослым, крупным малым. В 19 лет я мог уже поспорить в силе не только с любым из сверстников, но и кое с кем из взрослых. И вот однажды наступил момент, когда я не мог уже больше терпеть издевательств над своей личностью. Человек этот, преследовавший меня за мою неповоротливость и скрытую строптивость, был помощником старшего приказчика. Он был низкий ростом, хотя и коренастый; он был весь заполнен желчью, от ногтей пальцев до волос. Он всегда осыпал меня особенно гнусным набором брани и кличек, он иначе не называл меня, как по имени — Илья, вкладывая в самое понятие моего имени глубочайшую презрительность, насмешку, издевательство. Мое имя в его устах было как бы идентично с понятием «мужик», «мужлан» и т.д. Произносилось оно им и другими ему подобными типами как что-то неприспособленное и унижительное.

Так и на этот раз. Крикнув: «Илья!», он начал осыпать меня бранью: «Ах, ты, раз-такая сволочь! Что тебя не дозовешься?»

Я весь побагровел и впервые ответил дерзостью. Он хотел было наброситься на меня с кулаками, но на угрозу избиения я ответил угрозой: «Попробуй!» — и сжал кулаки. Это сразило его, и он опустил руки.

До этого много было пережито и словесных оскорблений и рукоприкладств. Подзатыльники, дергание за уши и за волосы было здесь делом законным; бывали вещи более чувствительные; однажды я был избит в подвале виноделом — тоже за нечаянно разбитое ламповое стекло — до крови. Он избил меня тем самым ершом, которым я прочищал ламповое стекло. И вдруг... видит и слышит отпор. К счастью, он видимо понял, что со мной больше подобных «шуток» позволять нельзя, и отошел, затаив против меня свирепую ярость. Этот инцидент был равносильным моему уходу из предприятий Юрьева. Но шел я на него уже сознательно.

Дело в том, что за несколько месяцев до этого столкновения в моей судьбе благодаря счастливой случайности наметился тот перелом, который и привел меня в конце концов на путь живописного искусства. Мою работу заметил — может быть, благодаря гимназисту, сыну директора банка, которому я первому показал свои произведения, — учитель рисования Борисоглебской мужской гимназии Евсеев Николай Александрович⁵¹. Он сразу же оценил и одобрил мою работу. Он заговорил со мной о том, что мне надо учиться.

— А разве есть такие школы, в которых этому учат? — задал я ему в изумлении наивный вопрос.

— Да, конечно, — ответил он и указал на себя. — Вот я, например, учился. В Москве есть школа живописи, ваяния и зодчества, которую я окончил.

⁵¹ Николай Александрович Евсеев работал сначала в Борисоглебской Александровской прогимназии, потом в гимназии (с момента ее основания в 1880 г.) в должности преподавателя рисования и чистописания. Он был выпускником МУЖВЗ, награжден орденами Св. Станислава 3 и 2 степеней, Св. Анны 3 степени и медалью в память Александра III. По данным на 1897 г., имел чин коллежского советника, а в 1905 г. был уже статским советником (Гостев В.М. Исторический очерк возникновения, состояния и деятельности Борисоглебской Александровской гимназии. Борисоглебск, 1906. С. 15, 30).

Он назвал профессоров, у которых учился. Но имена Перова, Жукова и других мне ничего не говорили. Вот о Репине я слышал! Я прочитал также однажды небольшую брошюрку о Рафаэле, который представился мне почти в неземном и нереальном виде; его мадонны, богини и прочие были для меня чем-то недоступным и таинственно священными. Но о других художниках я не слышал ничего.

Однажды, в один из воскресных дней, Евсеев Н.А. пригласил меня в свою квартиру. Надо сказать, что к этому времени в положении торговых служащих произошли некоторые перемены, несколько улучшившие наше бытовое положение; мы получили сокращенный рабочий день. Вот почему я мог уже располагать большим свободным временем в этот день, чтобы посмотреть его живописные произведения.

Его работы произвели на меня исключительное впечатление. Провожая меня, он снова начал говорить мне о необходимости учебы и даже обещал свою поддержку. Это меня настолько ободрило, что я тотчас же решил не останавливаться ни перед чем и добиваться поступления в школу живописи, и не в какую-нибудь, а именно московскую. Я решил обязательно, во что бы то ни стало стать художником. Я знал, что будут, вероятно, трудности, но их размеров я, конечно, и не подозревал. Я спал и видел себя в каком-то чудесном мире, который по сравнению с тем халуйско-хамским миром, который меня держал в своих руках, представлял что-то несбыточное, невообразимое, радостное и светлое.

Работа в искусстве /живописи/ мне представлялась сплошным праздным бездельем, смешанным с постоянным удовольствием и с наслаждением; она рисовалась мне как сплошное счастье, положение профессионально и общественно независимого /ни от кого и от чего/, обособленного свободного человека, делающего красивые, благородные вещи, казалось мне сказочным. И вот под влиянием именно этого-то своего настроения, которое цвело во мне пышным цветом, которое несказанно высоко подняло меня в своих собственных глазах, которое еще резче обнажило во мне чувство собственного достоинства, я и дал отпор этому мерзавцу, хозяйскому халую. И этот негодяй при всей своей наглости и гнусности, не останавливавшийся ни перед тайными обысками и шпионажем в отношении всех низших служащих, сделавший из шпионажа свою вторую профессию, в изумлении остановился передо мной, опустив руки; он испугался — эта гнусная гиена перед лицом юноши, в глазах которого он увидел блеск чести, несгибаемого упрямства и воли.

Очень скоро я вообще с ним расстался, как и вообще с этим ненавистным и подлым для меня миром. Чтобы покончить с ним, сообщу один только факт. Когда в следующем году я, будучи уже студентом Московской школы живописи, ваяния и зодчества, заехал в Борисоглебск /я ехал на каникулы/, мне сообщили, что у этого халую

и шпиона пулей выбиты все передние зубы. Кто-то стрелял в него из револьвера, хотя и не совсем удачно.

В заключение этой части моих воспоминаний несколько слов о развитии моего политического самосознания.

Я не был религиозным никогда. Церковь, если я и посещал, то в силу ее обязательности для нас. В более же зрелом возрасте /17—18—19 лет/ я старался увильнуть и от этого. Но, не имея научно обоснованной почвы для отрицания бога, я просто отмахивался от него, как от надоедливой мухи. Глубоко вопросы религии меня не занимали, но целый ряд моментов, тем не менее, действовал на мое сознание именно в этом направлении. Абсолютность существования бога во мне незаметно подрывалась. Например, в Борисоглебске был некий Бурцев, владелец маслобойного завода. У него был сын, про которого ходили слухи, что он не признает бога и царя. Народ это волновало. А на нас, молодежь, это действовало, как магнитный ток: значит можно бога и царя не признавать? При этом я отлично помню, что городское население говорило о Бурцеве в сочувственном тоне.

Большое влияние произвело на меня еще следующее событие. Однажды на улице Борисоглебска два жандарма с шашками наголо провели в направлении тюрьмы какого-то высокого, длинноволосого человека. У человека этого было задумчивое вдохновенное лицо. Черными глазами бродил он по лицам сбивавшейся на его пути на перекрестках толпы. По толпе шел приглушенный шепот: «Нигилист, нигилист!.. Царя и бога не признает!»

С изумлением смотрел я на этого человека. Так вот какие они эти бунтовщики-то! Человек был не только не страшен, но явно симпатичен. А вслед ему из уст в уста шел полусочувственный шепот: «Нигилист, нигилист!»... У меня было такое состояние, что этого человека ведут на Голгофу, и я всем сердцем и всей душой сочувствовал ему.

Не менее ярко стоит в моей памяти 1896 г. Как и в Москве, в этом году в Борисоглебске произошла коронационная «Ходынка». Тут тоже за город созвали народ, готовили угощение. Но в самый торжественный момент сюда ввалилась демонстрация рабочих и сорвала все празднество. При этом раздавались крики против царя и бога. Были в эту ночь, конечно, аресты.

И вот все эти факты, преломляясь в глубине моего сознания, разрушали медленно, но верно все мои нравственно-религиозные устои. И когда я потом влился в студенческую среду, я был уже основательно подготовлен к нигилизму.

До встречи с Евсеевым, который оказался ко всему тому еще и земляком⁵², все толчки и страстные стремления к искусству не находили выхода. Я был в подвале душном и смрадном. Передо мною стояла несокру-

шимая стена. Я просто не знал: существует ли выход из подвала, из темноты на вольный свет. Оказывается, он есть! И его указал мне

впервые Н.А. Евсеев. Его разговоры со мною и сведения, которые я получил от него, открывали мне перспективу и вселяли уверенность в свои силы. Я уверовал страстно и беспредельно в возможность поездки в Москву. Да и что я терял! Абсолютно ничего. Я получал к тому времени 70 руб. жалования в год. В направлении торговой деятельности я был бездарен; перспективы здесь у меня не было никакой; к тому же у меня была органическая брезгливая ненависть как к самой торговой службе, так и к среде, в которой предстояло вращаться весь век. Интуитивно, бессознательно рвался я к чему-то иному; представление о какой-то благородной деятельности жило во мне — о такой деятельности, где бы не было обвешивания, обмеривания, обмана. Поэтому мысль об искусстве предстала передо мной как что-то волшебное, как что-то святое.

Никаких препятствий! Мне нечего было терять. Если бы я знал тогда лозунг Маркса о пролетариях и цепях, я бы, вероятно, всем нутром воспринял его. Вопрос о поездке в Москву мною был решен мгновенно. Держать экзамен в школу живописи и выдержать его во что бы то ни стало — это заслоняло передо мной весь остальной мир. Мой шеф взялся подготовить меня по искусству, познакомить меня с основами живописи, подучить. Я взял расчет. Все равно после столкновения с помощником старшего приказчика меня должны были прогнать при первом же удобном случае. Около трех месяцев, живя на сбережения, я работал под руководством моего учителя: рисовал с натуры, с гипсовых моделей, главным образом орнаменты, античные головы; их я брал по рекомендации Николая Александровича из гимназии. Насколько хватало выдержки и терпения, я списывал с них. Но уже очень скоро я почувствовал, что мой учитель не только мало дает мне, но и сам в рисовании слаб. Это особенно наглядно было, когда он пытался поправить меня. Я явно перерастал своего учителя. Я работал жадно, почти уже не интересуясь его мнением. Я старался изо всех сил. К концу трехмесячной учебы он оставил всякие попытки поправлять меня. Он много говорил о моей одаренности, однако это меня несколько не успокаивало, а наоборот, еще больше разжигало мою страсть. Мне ведь предстояло держать конкурсный экзамен!

Сам Н.А. Евсеев окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества⁵³ около 25 лет тому назад. Он говорил, что поступить в него сравнительно легко и свободно. Но... он не учел тех изменений, которые произошли за эти два с половиной десятка лет, и, когда я поехал первый раз в Москву, чтобы познакомиться с условиями приема и подать прошение о допущении к экзамену, я узнал, что на 27 вакантных мест имеется... около 300 претендентов! Возвратился я из этой первой поездки /в Москве я пробыл 7—8 дней/ с упавшим духом. Поступить

52 Н.А. Евсеев происходил из казачьего рода станицы Михайловской (Казачий словарь-справочник. Т. I. Кливленд, Охайо, США, 1966. С. 226), который, по утверждению Лащилина, брал начало от одного из легендарных основателей станицы Михайловской — Авсейки. — (О. С.)

53 Московское училище живописи, ваяния, зодчества (МУЖВЗ) — одно из ведущих художественных учебных заведений в дореволюционной России. История МУЖВЗ начинается в 1832 г., когда Е.И. Маковский, А.С. и В.С. Добровольские и А.С. Ястребилов организовали в Москве «Натурный класс» — творческий кружок, позволявший художникам совершенствоваться в живописи и рисунке. Вскоре кружок получил название «Художественный класс», а в 1843 г. был преобразован в Училище живописи и ваяния Московского художественного общества. С 1834 г. заведение располагалось на Большой Никитской, а после 1844 г. перебазировалось на Мясницкую улицу. В 1865 г. к нему было присоединено Архитектурное училище при Московской дворцовой конторе, после чего заведение, собственно, и стало называться МУЖВЗ. Выпускники Училища фактически имели тот же статус, что и выпускники Петербургской Академии художеств. В 1896 г. МУЖВЗ было превращено в высшее учебное заведение с общеобразовательным и художественным отделениями. В 1918 г. Училище было преобразовано во Вторые государственные свободные художественные мастерские. Уполномоченным по делам реформы был И.И. Машков. Впоследствии Мастерские были реорганизованы в Московский художественный институт имени Сурикова и Московский архитектурный институт.

54 Львов Алексей Евгеньевич, князь, с 1892 г. состоял секретарем совета Московского художественного общества, с 1894 г. — инспектором МУЖВЗ, с 1896 по 1917 г. — директором Училища. Брат Георгия Евгеньевича Львова — либерального деятеля конца XIX — начала XX в., в 1917 г. ставшего премьер-министром Временного правительства.

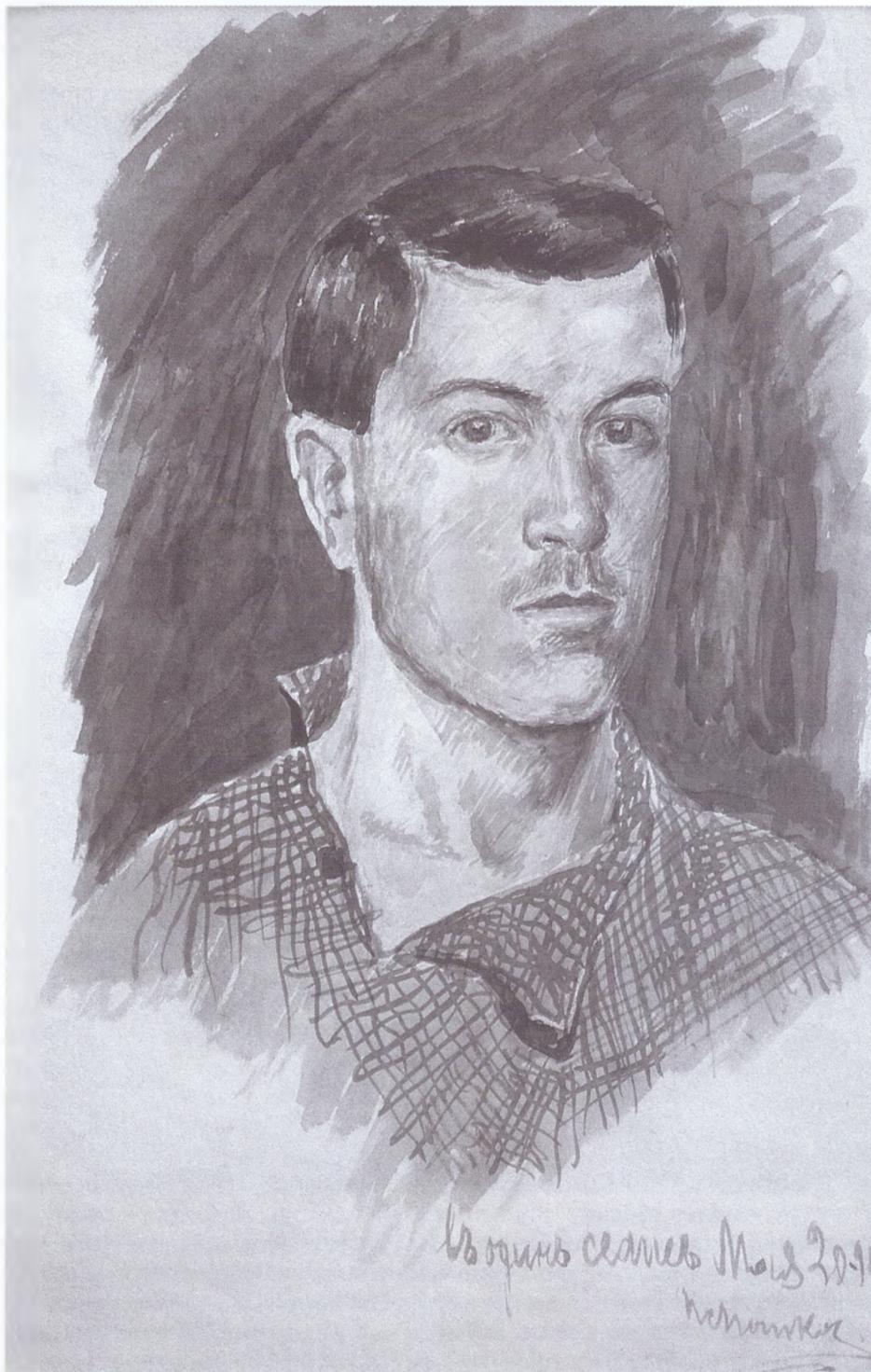
при таком наплыве мне, человеку мало подготовленному и почти неграмотному... это казалось вещью совершенно невозможной. Но Николай Александрович несколько успокоил меня — главный-то предмет конкурса рисование, а не общее образование. Он верил в мою одаренность. Как бы то ни было, но я начал собираться в путь.

Мать, разумеется, еще ничего не знала. Я поехал раньше в Москву с намерением подготовиться еще и там. Я решил бросить на карту все мои маленькие сбережения. До экзаменов оставалось ровно 11 дней. Мне порекомендовали художника Прокоповича Алексея Афанасьевича. Но, когда я обра-

тился к нему с просьбой поучить меня, он замахал руками: «Что вы, молодой человек! Какая же подготовка за 10 дней!» Но так как я настойчиво просил, он в конце концов согласился. С раннего утра до поздней ночи работал я у него, а потом у себя в номере на Домниковке, который стоил мне 60 копеек в сутки. Вопрос ведь стоял о жизни и смерти в буквальном и переносном смысле. Уставал страшно. Ночью падал от утомления на койку, засыпал на несколько часов, и едва займется утро — я уже вскакивал: не проспал ли. Нервы мои находились в постоянном напряжении. Малейший стук — и я сразу же просыпался...

22 августа 1900 года начались испытания. Длились они 4 дня. Четыре эти дня для меня прошли как в лихорадке; меня натурально знобило; у меня тряслись поджилки. Решалась моя судьба. Я не мог примириться с возможной неудачей. Я был болен. У меня не было ни аппетита, ни сна. Я уже говорил, что был не религиозный, последние годы я в церковь не ходил. Но теперь на меня надвинулся такой ужас и страх, что не знал, к чему только прибегнуть и у кого просить помощи. Безумное желание попасть в школу погнало меня к Иверской божьей матери. «Может быть, и это поможет!» Я был здесь совершенно одинок. Ни друзей, ни знакомых. И я отнес божьей матери 20 копеек; она была единственным «существом», которое мне было известно в огромном городе, где я чувствовал себя мельчайшей пылинкой.

26 августа в торжественной обстановке, в актовом зале школы, в присутствии профессоров, начальства и духовенства, директор школы князь Львов⁵⁴, брат известного потом премьер-министра вре-



И.И. Машков. Автопортрет
1901. ВМИИ

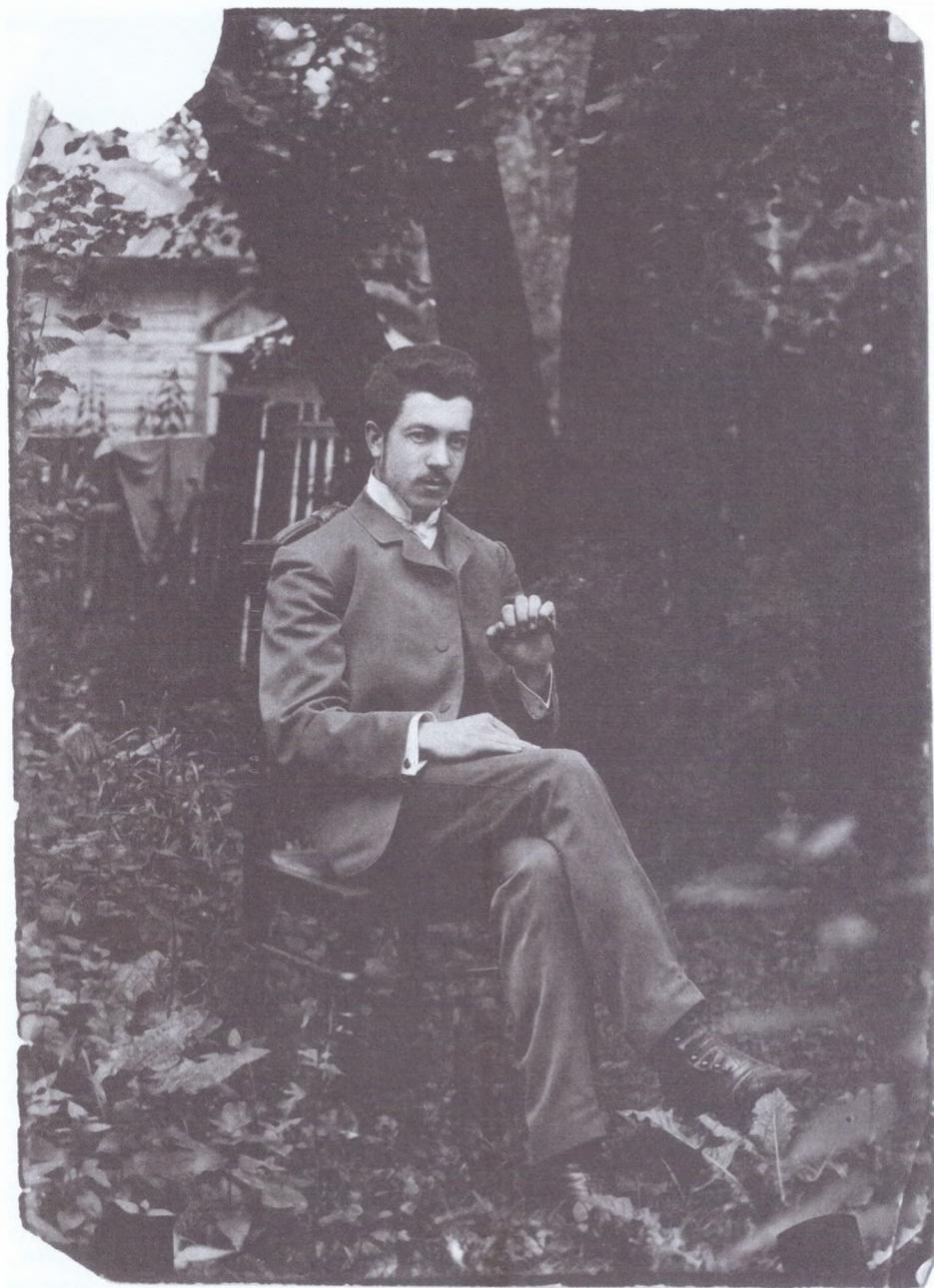
менного правительства, поднялся на трибуну, чтобы объявить список принятых. Пышность, торжественность обстановки, мундиры, орден — все это так поразило меня, глубокого провинциала, что я стоял как оглушенный, забившись в дальний угол огромного зала, наполненного моими соперниками и их родичами. И я не поверил своим ушам, когда прозвучала моя фамилия. То есть это был факт! Я зачислен, я студент! И все же не верилось: неужели это так? А вдруг там передумают, перерешат. Тем не менее пределы моему волнению сразу кончились. Лихорадка, в которой я находился, мгновенно прошла. Болезненного состояния /до ломоты в костях!/ будто не бывало. Я был как сумасшедший. По дороге в номер я бросился на шею какому-то прохожему. Я не преувеличиваю — так и было. Человек этот опешил и смотрел долго мне вслед недоумевая.

С этого момента начинается моя особенно счастливая жизнь. Я понимал и чувствовал, что предстоят колоссальные трудности как в учебе, так и в материальном отношении, хотя первый перевал и был взят мною с бою. Особенно волновала меня моя слабая подготовка по общеобразовательным наукам. Мне предстояло сдать зачеты на средний и высший циклы по тринадцати предметам, вплоть до церковной археологии. Материально я был никак не обеспечен. Мать, узнав о моих успехах, была рада мне помочь, но помощь ее могла быть очень незначительной: у нее и помимо меня был полон рот забот.

И вот все эти задачи встали передо мной сразу же, с первых дней учебы во весь рост. Взяв первый перевал, я увидел за ним новый, еще более крутой.

Но я верил в свои силы и в свою способность работать, не щадя никаких сил. Для достижения поставленной цели — вершины искусства блистали перед моим взором ослепительным светом — я готов был отдать всего себя, свое здоровье и даже жизнь.

Весь первый год учебы в силу описанных выше условий прошел с большим напряжением. Даже в работе по искусству я еле-еле натягивал на «удовлетворительно». Но не только неподготовленность и материальные трудности мешали мне в этот год. Главное, пожалуй, было в другом: я весь был заполнен глубокими и сильными переживаниями, осваивая и впитывая в себя новую, небывало волнующую и увлекательно сказочную обстановку и новую среду. С огромной жадностью и интересом впитывал я в себя московскую жизнь, людей, культуру (театры, музеи, картинные галереи, выставки т.д.). Но главного, о чем я мечтал, едучи в Москву, мне увидеть не удалось. Я мечтал и был почти уверен, что увижу Репина и буду у него учиться. После того как я был зачислен в школу живописи, начав здесь осваиваться, я задал кому-то из студентов старших курсов этот волновавший меня все время вопрос: кто сейчас самый знаменитый художник? Я наивно ожидал — мне ответят: «Репин».



Но мне назвали Серова. Я был смущен и сконфужен. О Серове я до этого времени ничего не слышал. И мне, я помню, никак не хотелось в душе примириться, что Серов лучше Репина. Но тут было просто недоразумение. Конечно, в Москве Серов играл первую скрипку, ибо... Репин гремел на всю Россию и на весь мир из Петербурга.

Илья Машков
1904. Архив ВМИИ

55 Крупное собрание книг, монет, рукописей, других этнографических и исторических материалов в Петербурге, а затем и Москве. Возник как частная коллекция, которую при жизни собрал дипломат Николай Петрович Румянцев (1754—1826). После его смерти в 1826 г. Румянцевский музей был передан в ведение Российского государства. В 1831—1861 гг. музей работал как общедоступный в петербургском особняке Румянцева. В 1861 г. музей был переведен в Москву, где он вошел в состав так называемого «Московского публичного музеума и Румянцевского музеума». В Москве Румянцевский музей разместили в доме Пашкова. Румянцевский музей был центром художественной жизни Москвы XIX в., обладая собранием русской и западноевропейской живописи, графики, лубка, коллекцией икон, скульптурных слепков и фотографий с древних памятников. В 1924 г. здание музея и его библиотека были переданы созданной на ее основе Государственной библиотеке СССР им. Ленина. Полотна Рембрандта и других европейских художников были переданы в ГМИИ им. Пушкина, собрание отечественной живописи — в Третьяковскую галерею.

56 Увлечение панорамной монументальной живописью распространилось в Европе в последней четверти XIX в. Масштабность изображения, обилие натуралистически трактованных деталей, объемный передний план производили на зрителей сильное впечатление. Для демонстрации огромных полотен строили специальные здания. В 1885 г. в Мюнхене было учреждено специальное «Немецкое Общество панорамистов», целью которого стало создание панорам на библейские темы. Окрыленные успехом, художники отправляли панорамы «на гастроли». Машков видел в Москве в 1901 г. панораму «Голгофа». Ее написал польский художник Ян Стыка, который родился в 1858 г. во Львове, с золотой медалью окончил Венскую Академию изобразительных искусств, стажировался в Италии, жил в Париже. Он работал как станковист, иллюстратор. Им были написаны и другие панорамы: «Мучение христиан», «Рацлавицы», «Взятие Сибиана». Замысел «Голгофы» подсказал художнику в 1894 г. Игнасий Падецкий, тогдашний премьер-министр Польши. Два года Стыка готовился: совершил путешествие в Иерусалим, сделав многочисленные этюды и наброски, а на обратном пути посетил Рим, где встретился с Папой Римским Львом XIII. Узнав о намерениях польского художника, Папа благословил его палитру. А на родине его уже ждал заранее заказанный огромный холст. Размеры «Голгофы» 58x13 м. Монументальная многосюжетная работа была впервые выставлена в Варшаве в 1897 г., затем триумфально прошествовала по многим крупным городам Европы. В 1904 г. Стыка привез свое произведение в Америку на Всемирную выставку в Сент-Луис. Однако в Америке показать работу не удалось, т.к. не нашлось подходящего помещения, при регистрации багажа в Чикаго с него потребовали огромную таможенную пошлину, которую его американские партнеры не смогли оплатить. Работа была конфискована, больше до конца своих дней он ничего так и не узнал о ее судьбе. Ян Стыка скончался в 1925 г. и был похоронен в Риме. До 1944 г. полотно находилось в подвале чикагской оперной компании. Потом его привезли в Глендейл (около Лос-Анджелеса) и разместили в специально выстроенном павильоне, где с 1951 г., после реставрации, оно и экспонируется. Рядом в 1959 г. были перезахоронены останки Яна Стыки.

Я почти не выходил в тот первый год из музеев. Я изучил все уголки в Третьяковке и в Румянцевском музее⁵⁵ /ныне Музей изящных искусств в Москве/. Но особенно поражала меня картина-панорама Яна Стыка «Голгофа», помещавшаяся на Цветном бульваре⁵⁶. Конечно, в смысле исполнения мастерства, ибо в это время я был всецело занят идейно и мысленно искусством изображения как таковым. Как исполнено и на чем? Это было главное. «Голгофа» была изображена на холсте; особенно же нравилась она мне тем, что тут была почти полная иллюзия живых людей, до обмана зрения. Вот эта иллюзийность меня и приковывала. Мне хотелось самому поскорее научиться изображать с такой же предельной правдивостью, как в этой картине.

В музеях я, конечно, больше всего отдавал чувства Репину и потому Третьяковку я посещал чаще. Колорит его картин казался мне самым верным и самым правильным. Я видел в Румянцевском музее картины и портреты русских и иностранных классических мастеров; здесь была представлена почти вся история русского и западного искусства. Федотов, Венецианов, Брюллов, Иванов, Левицкий, Боровиков[ский], Тропинин, Кипренский шли в глубь веков российской живописи. Рядом с

ними и параллельно им шествовали мастера средних веков: Италии, Германии, Голландии, Франции. Все их произведения и в том числе произведения великого фламандца Рембрандта, казалось, имели чисто историческую, старинную, и потому неполновесную художественную ценность, что могло быть сравнимо с археологи-



ческими редкостями, с черепами, костями и утварью людей давних времен. Причем я был еще так наивен и так мало искушен в искусстве, что мне казалось, что произведения студентов старших курсов — ученические опыты! — которые писали с натуры обнаженных людей, более правдивы, чем произведения этих старых русских и

Илья Машков
1904. Архив ВМИИ

57 Солодовников Гаврила Гаврилович (1826—1901) — один из наиболее богатых московских купцов и домовладельцев, владелец огромного торгового пассажа, был филантропом, отдавшим на благотворительность более 20 миллионов рублей. Обладатель многомиллионного состояния, он отличался патологической скупостью в быту. На его средства построены театр (сегодня в этом здании размещается Московский театр оперетты), клиника (ныне это Московская медицинская академия им. Сеченова при медицинском факультете МГУ), ряд домов для бедных в Москве, сиротский приют, несколько училищ в четырех губерниях России. Театр просуществовал недолго. Вскоре здесь обосновалась частная опера С.И. Мамонтова.

58 Цветкова (урожд. Барсова) Елена Яковлевна (1871—1929) — артистка оперы (лирико-драматическое сопрано) и педагог. Жена В. Цветкова. С 1891 г. пела на сцене Московского Большого театра, в Московской частной русской опере С.И. Мамонтова, участвовала в Московском Товариществе частной русской оперы, в опере С.И. Зимина.

59 Шевелев Николай Артемьевич (1869/1874?—1929) — певец (баритон). В 1896—1903 гг. — солист Московской частной русской оперы, в оперной антрепризе Гвиди (1906—1908) и оперном театре С.И. Зимина (1908—1913 гг., 1922—1924 гг., Москва). В 1913—1919 гг. выступал на провинциальных сценах, а также в Москве. В 1919—1922 гг. — солист Оперного театра в Тбилиси. В 1919—1922 гг. — профессор Тбилисской консерватории. Гастролировал в странах Западной Европы, Северной и Южной Америки, Японии.

60 «...он крестьянин, крайне бедный, если не сказать нищий», — писал 8 февраля 1902 г. Н.А. Евсеев в прошении об оказании материальной помощи Машкову (РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Ед. хр. 1604. Л. 24).

нибудь театре или цирке. Зрелища производили на меня огромное действие. Они приводили в движение всю мою нервную и психическую организацию. Тогда же я увидел и оперу. Я говорю «увидел» сознательно, а почему — читатель увидит дальше. В театре Солодовникова⁵⁷ шла «Орлеанская дева». Роль «Девы» исполняла артистка Цветкова⁵⁸; роль «Рыцаря» исполнял баритон Шевелев⁵⁹. Опера в целом мне, видевшему оперу в первый раз, очень понравилась. Мне очень было досадно и обидно за гибель «Девы». Но еще более досадно и обидно было, и возмущало это меня неимоверно, зачем они говорят нараспев, музыку же я готов был проклясть: она самым жестоким образом мешала, не давая слышать ничего на сцене. Так воспринял я и понял классическое музыкально-вокальное искусство. Разумеется, помимо романтического содержания оперы, декорации импонировали мне больше, чем все остальное. Декорации были необыкновенные! В них было что-то для меня изумительное, небесное.

Вернемся, однако, с небес на грешную землю. Трудности материальные меня не раз ставили в безвыходное положение. Учиться или жить — так нередко стоял вопрос. Но с упорством зачарованного я продолжал учиться.

Меня с первого же года освободили — по просьбе Н.А. Евсеева⁶⁰ в значительной степени, а также за прилежание — от учебной пла-

западных мастеров, что они более близки к таким художникам, как Репин и его современники.

Из выставок молодых художников, устраиваемых «Миром искусства», на меня производили уже тогда впечатление произведения Константина Коровина и Игоря Грабаря.

Мои первые впечатления от театра не передаваемы. Мы — студенты-художники — имели право бесплатного входа на галерею всех без исключения театров. Делалось это, конечно, с целью наиболее быстрого культурного развития людей, общий уровень которых был зачастую невысок, а также в целях развития в нас художественного восприятия и вкуса. Этим правом я пользовался самым широким образом. Не было дня, чтобы я не побывал в каком-

ты⁶¹. Но надо было еще питаться, платить за квартиру /о тех чудесных общежитиях, какие имеют сейчас московские студенты, тогда и мечтать не приходилось/, обуваться, одеваться, держать себя и свое тело в чистоте. Один номер, который мы держали вдвоем, стоил 8—10 рублей в месяц. Помощь матери и Н.А. Евсеева, который продолжал заботиться обо мне, и другие различные субсидии вплоть до посылок разных бабушек-соседей с хутора Сычевского — все это выражалось примерно в 12—13 рублей «дохода». Как я питался, одному небу известно, да хорошо еще, что у нас при училище была дешевая «обжорка»: за 12—17 копеек мы могли получить обед, с которого сыт не будешь, но и голода большого не почувствуешь. Платить за стирку белья я не мог. Я носил белье подолгу, а к лету у меня образовывалась гора грязного белья, которую я повез стирать в Сычи. Вот так учились в старые времена!

Первый год моего пребывания в Москве ознаменовался целым рядом громких событий. Горел универсальный магазин «Мюр и Мюрелиз». Горел он двое суток.

Огромные толпы зевак днем и ночью наблюдали за пожаром. Это было в некотором роде бесплатное зрелище грандиозного масштаба. Тут были московские обыватели, тут были толпы сту-

дентов, тут стояли, загромождая все прилегающие площади, улицы и переулки, извозчики. Извозчиков в это время в Москве было около 28 тысяч. Рыдваны⁶² у всех были на толстых, кованных железом шинах. В летнее время они громыхали по булыжнику, как теперешние дрогали⁶³. Об асфальтированных улицах тогда и понятия не имели. Трамвай ходил только от Страстного монастыря до Бутырской заставы. А по всему остальному городу, по теперешним кольцам «А» и «Б», по Цветному бульвару, по Сретенке и Пречистенке, гремя и поворачиваясь на ходу, плыли высокие, одноэтажные и двухэтажные вагоны конки.

Но особенно большое впечатление производили на меня студенческие демонстрации, которые будоражили чуть не весь этот год район университета, манежа и Охотного ряда. Я уже говорил, что был достаточно подготовлен всей своей жизнью для восприятия студенческого нигилизма того времени. Попав в студенческую среду, я сразу же почувствовал, что с богом и царем я должен здесь решительно расстаться. Сделал я это без всяких сожалений. Мое паломничество к Иверской божьей матери было последним движением еще нетвердого разума, но экзамен кончился благополучно. Нужда в божьей матери миновала. И я готов был к восприятию и безбожия и чего угодно. Вопрос ведь становился очень просто:

61 Машков отмечал: «Ввиду признания моей ценности советом преподавателей я был совершенно освобожден от платы все 4 года» (РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Ед. хр. 995. Л. 16).

62 Рыдван (рыдванка) — телега для перевозки груза.

63 Дрогаль — ломовой извозчик, перевозчик груза.

«Признаешь бога и царя?» — «Ну конечно же, нет!» — иного ответа и быть не могло.

Это было нечто вроде посвящения в масонскую ложу. Либеральные мысли, волновавшие молодежь, — «долгой царя и бога» — «свобода, равенство и братство» и т.д. зажигали и меня. Совокупность политических идей, царивших в студенческой среде, я, конечно, не понимал. Я тянулся скорее к ним бессознательно, как тянется ребенок к цветку, который он едва научился распознавать.

Студенческие сходки, демонстрации, «бунты», как называли это в простонародии, привлекали большей частью молодежь университета, консерватории и нашего училища. В меньшей степени здесь принимали участие студенты высшего технического училища и уже, конечно, полностью белоподкладочники лица его величества, настроенные сплошь реакционно. В один из вечеров, в начале зимы, когда только высыпал молодой снежок, мы с товарищем, с которым жили вместе в номере, направились к манежу. Было примерно часов 10 вечера. Еще не доходя до места, мы услышали шум, крики, свистки жандармов. Протолкавшись ближе к Александровскому саду, мы забрались на железную ограду. Увидели: в раскрытые ворота манежа цепь жандармов гонит возбужденно протестующих, отбивающихся кулаками студентов. Теснота здесь была страшная. В те времена против Александровского сада и манежа углом врезался в манежную площадь большой двухэтажный дом. По обе его стороны кипели человеческие толпы и страсти. Слышались даже выстрелы из «бульдожек». Были ли то провокаторы или стреляли вверх сами студенты — конечно, было не понять.

Публика, толкавшаяся сзади цепи городских и жандармов, бурно возмущалась и протестовала. Кричали, конечно, и мы. Бояться было нечего: мы были вне оцепления. Не прошло и 10 минут после нашего прихода, как внезапно сзади нас появились казаки. Они двигались на нас двумя рядами, уплотняя толпу, перегородив улицу. Их было с полсотни, не больше. Это были мои земляки-станичники, и может быть, даже хуторяне. Я знал, что Первый Донской полк, стоявший в Москве, формировался, главным образом, из казаков станицы Михайловской и ее хуторов. Увидев за своей спиной земляков, неторопливо гарцевавших на своих стройных конях, я не только не почувствовал никакого страха, но мне казалось даже, что с ними следует поздороваться, заговорить, спросить, из каких они хуторов и нет ли среди них сычевских и краснянских.

Между тем казаки надвинулись совсем близко. Я стоял у самой ограды. На мне была, разумеется, студенческая фуражка, я уже совсем было раскрыл рот, чтобы приветствовать ближайшего ко мне земляка, как вдруг мой землячок взмахнул плетью. Удар был настолько неожиданен для меня и силен, что он сразу же выбил меня из того благодушного земляческого настроения, в котором я на-

ходил. И я моментально понял и почувствовал, зачем явились сюда полсотни моих земляков. До этого мне казалось, что это «наши михалские». Это «свои!» Жандармы — то другое дело, про тех я знал уже, что они для того и существуют, чтобы усмирять народ. Но землячок сразу же одним взмахом растолковал мне всю политику, которая стояла до того в моей голове этаким сизым, расплывчатым туманом. Я понял, что сейчас начнут мои земляки бить всех подряд. Я поскорей шмыгнул назад и скрылся. Мой товарищ прыгнул в Александровский сад, где он оставил одну галошу.

Это был реальный урок, который окончательно и навсегда провел резкую грань в моей психике. Тут только я понял, за что сидят революционеры в тюрьмах. Мне стали понятны и волшебные книги «черной магии», о которых я много слышал в детстве, но понял я и того длинноволосого человека с черной бородой, того «нигилиста», которого я видел в 1893 году на улице Борисоглебска между двух жандармов.

Первый год моей учебы кончился. С грехом пополам я сдал зачеты на удовлетворительно. На лето, на каникулярные месяцы я ехал в Сычи с грузом новых впечатлений и представлений и с грудой... черного нестиранного белья.

1930 год⁶⁴

64 Вероятно, год написания повести — 1935. На л. 3 рукописи автор пишет, что в течение пяти последних лет подолгу жил на родине, а он ездил в Михайловскую с 1930 г. На л. 10 есть прямое указание на то, что в момент работы над повестью автору было 54 года.